MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80026-2

AUTHOR:
ZHITLOWSKY, CHAIM

TITLE:
MATERIALIZM I DIALEKTICHESKAIA ...

PLACE:
MOSKVA

DATE:
1907

Master Negative #

91-80026-2

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

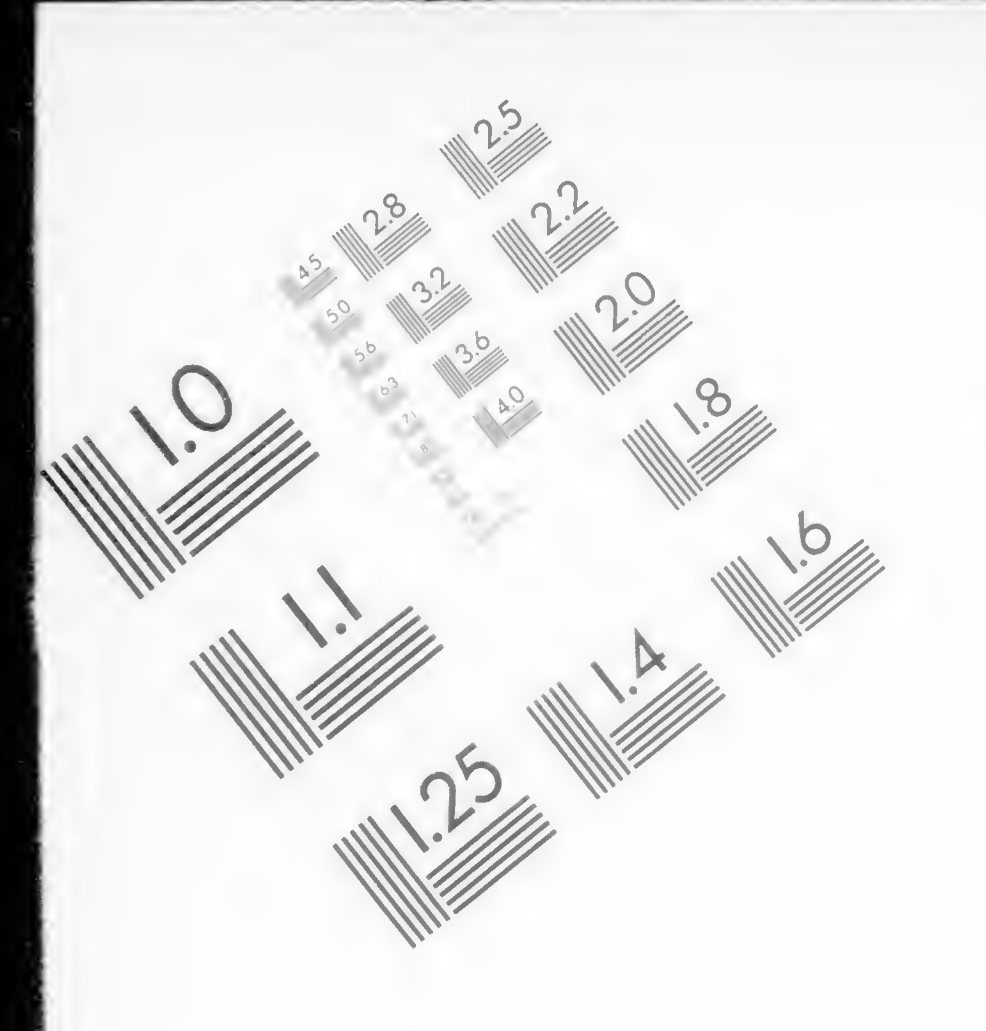
160
Y45 Zhitlowsky, Chaim, 1865-1943.
...Materializm i dialekticheskaia logika. [Materialism and dialectic logic.] Moskva, 1907.
55 p. 23 cm.

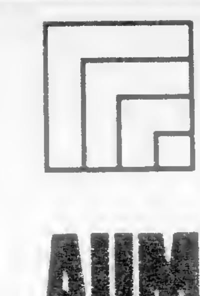
At head of title: Kh. Zhitlovskiĭ.

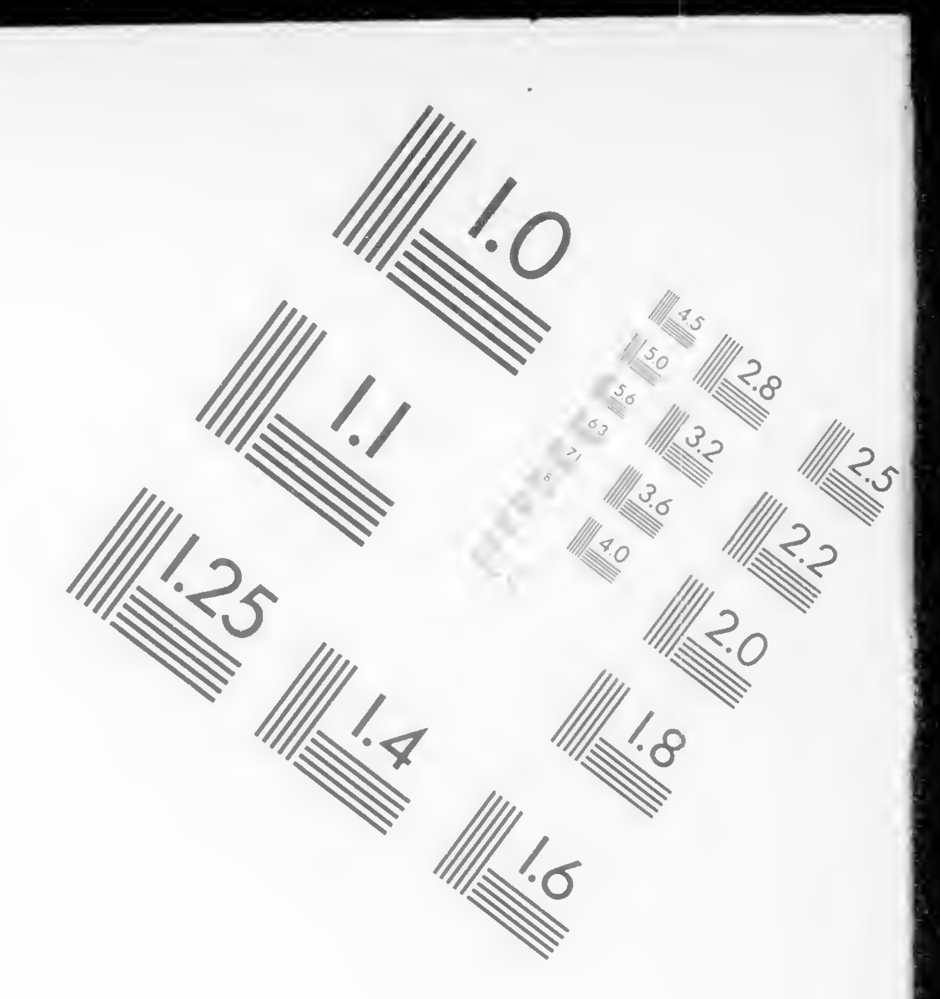
Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11X
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 9-29-93 INITIALS JAMES
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

AIIM

Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

301/587-8202

Centimeter

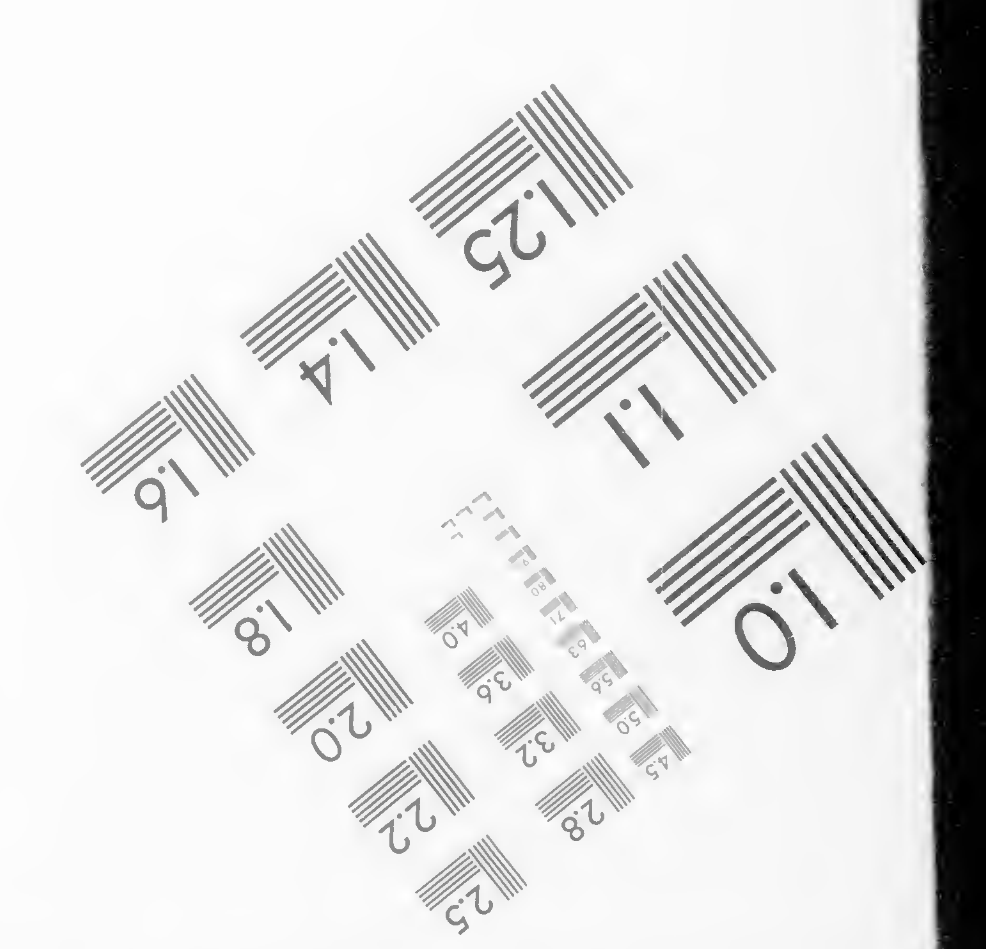
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 mm

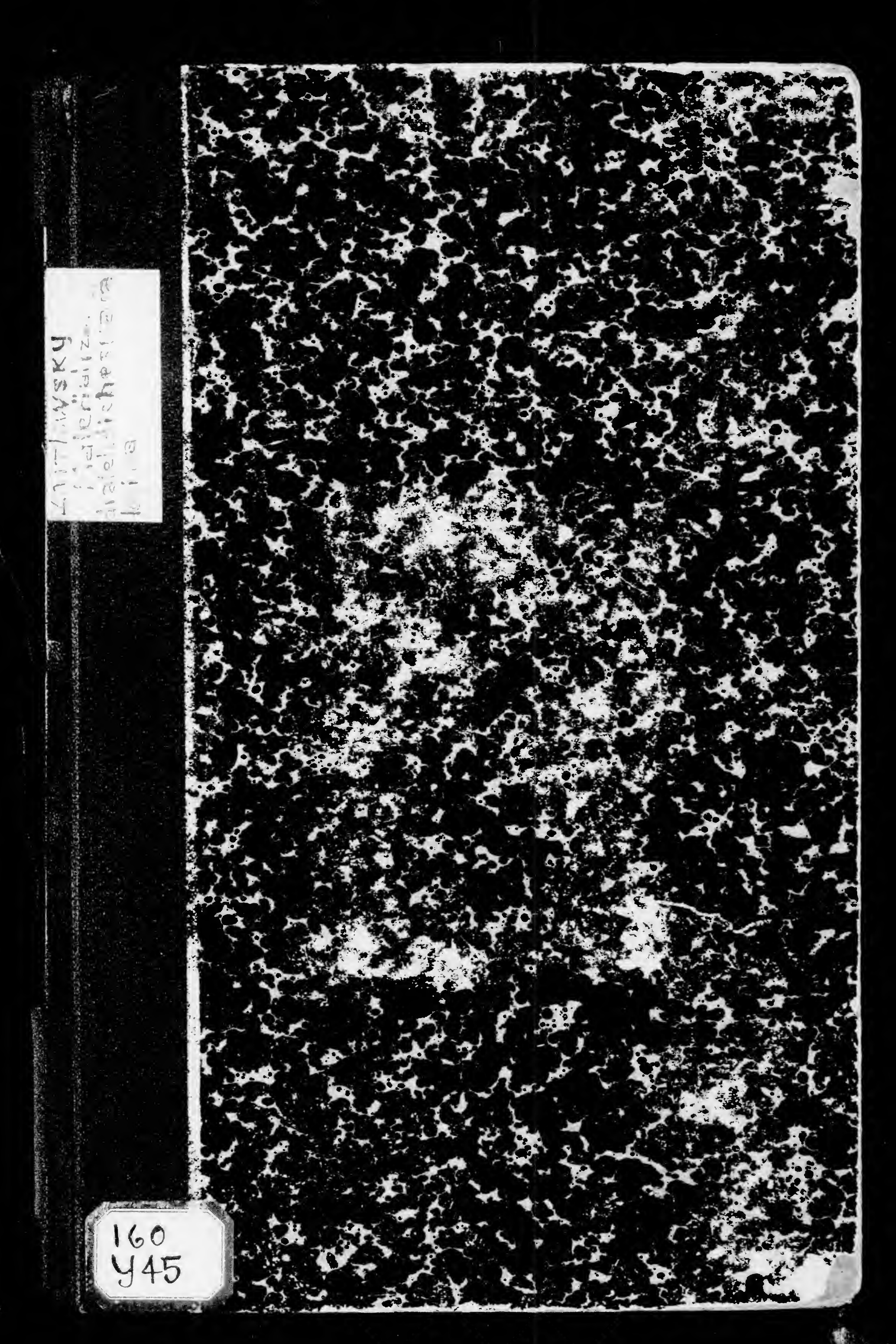
1 2 3 4 5

Inches

1.0 1.1 1.25 1.4 1.6 1.8 2.0 2.2 2.5 2.8 3.2 3.6 4.0 4.5 5.0 5.6 6.3 7.1

160
Y45

Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО“.

Х. Житловскій.

Матеріализмъ
и
діалектическая логика.

Цѣна 20 коп.

МОСКВА,
Большая Бронная, домъ Аничкова, кв. 12.

Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО“.

Х. Житловскій.

МАТЕРІАЛИЗМЪ

и

ДІАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.

Цѣна 20 коп.

МОСКВА. — 1907.
Типо-литографія **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ переул., собств. домъ.

Матеріализмъ и діалектическая логика.

Философія Карла Маркса и Фридриха Энгельса представляетъ собою попытку сочетать діалектику Гегеля, охватывающую области логики, теоріи развитія и методологіи, съ основами матеріалистической философіи. Наша статья имѣетъ дѣло исключительно съ логической стороною діалектики, оставляя пока безъ разбора другія стороны ея.

Безспорно, объединеніе матеріализма съ такъ называемой „логикой противорѣчій" (Widerspurchslogik) является попыткой чрезвычайно оригинальной. Но врядъ ли въ этой же степени безспорна научная прочность такого объединенія. Намъ кажется, что матеріализмъ и діалектическая логика суть элементы, которые въ философскомъ отношеніи могутъ считаться несовмѣстимыми.

Доказательству этой мысли и посильному разбору самой діалектической логики на почвѣ марксистскаго матеріализма мы и посвящаемъ нижеслѣдующія страницы.

I.

Діалектика и логика.

Если діалектика, какъ ученіе о развитіи, имѣетъ еще кое-что общее съ современными міровоззрѣніями, то она въ своей логикѣ сознательно идетъ въ разрѣзъ не только съ современными теоріями и гипотезами этой науки, но и съ тѣмъ, казалось бы, прочнымъ пріобрѣтеніемъ ея, которое установлено было еще Аристотелемъ и оправдывалось на каждомъ шагу, какъ въ области теоретическихъ и практическихъ наукъ, такъ и въ области повседневнаго

житейскаго мышленія. Мы говоримъ о законѣ тождества, законѣ противорѣчія и законѣ исключеннаго третьяго, о тѣхъ верховныхъ законахъ всякой логики, по которымъ каждый предметъ равенъ самому себѣ, не противорѣчитъ самому себѣ и въ одно и то же время не можетъ находиться въ двухъ противоположныхъ другъ другу состояніяхъ, не можетъ въ одно и то же время и существовать и не существовать.

Всѣ эти три, логически тѣсно связанныхъ, закона, какъ бы ни была мала ихъ методологическая цѣнность для научнаго изслѣдованія, имѣютъ ту, подъ часъ не лишнюю, заслугу, что указываютъ намъ границы, съ переступленіемъ которыхъ всякое правильное мышленіе дѣлается невозможнымъ. Но діалектическій методъ мышленія, тамъ, гдѣ онъ послѣдовательно проводится, не мыслимъ безъ отрицанія закона противорѣчія, а, стало быть, и двухъ другихъ верховныхъ законовъ логики. И мы это отрицаніе находимъ не только у Фихте, Шеллинга и Гегеля, которымъ такія вещи все-таки болѣе или менѣе къ лицу, но и у Маркса и Энгельса, прямо заявляющихъ, что „каждая вещь и существуетъ, и не существуетъ въ одно и то же время“ (Alles ist und ist auch nicht. AD. p. 5).

Именно благодаря нарушенію этого основного закона нашего мышленія, діалектика навлекла на себя такую массу нападокъ со стороны почти всѣхъ тѣхъ мыслителей не гегельянскаго лагеря, которые останавливались на гегелевской философіи. Имена Шопенгауэра, Ланге, Тренделенбурга, Ульрици, Экснера, Э. ф. Гартмана, Дюринга и пр., показываютъ, съ какимъ единодушіемъ философы различнѣйшихъ направленій протестуютъ противъ діалектической логики. Эта же сторона діалектическаго метода мышленія должна была привести къ тому, чтобы между приверженцами и противниками его были, такъ сказать, прерваны всякія философскія сношенія. Послѣ заявленій діалектиковъ, самымъ серьезнымъ образомъ утверждающихъ, что „все существуетъ и не существуетъ“, не діалектикамъ, на первый взглядъ, пожалуй, ничего не оставалось дѣлать, какъ только махнуть на нихъ рукой, какъ на сумасшедшихъ маніаковъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что къ числу этихъ „маніаковъ“ одно время принадлежала вся передовая мыслящая Германія. Таковъ, по крайней мѣрѣ, выводъ, къ которому приходишь, читая горькія сѣтованія Эдуарда фонъ-Гартмана на приверженцевъ діалектическаго мышленія въ его, между прочимъ, очень хорошей книгѣ: „Die dialektische Methode“. „Общее согласіе относительно

господства закона противорѣчія, говоритъ Гартманъ, — вотъ тотъ минимумъ общей почвы, безъ которой никакіе споры не мыслимы. Но надъ этимъ предразсудкомъ, выросшимъ на почвѣ формальной логики, діалектикъ только насмѣхается. Нѣтъ, поэтому, никакой возможности спорить съ нимъ. Діалектикъ не пугается даже абсолютно невозможнаго: говоритъ же Гегель, что все невозможно. („Alles ist ein Unmögliches“ IV. 203). И если вы поставите передъ нимъ рѣшительную альтернативу, діалектикъ перепрыгиваетъ вашу сѣть замѣчаніемъ, что истина не можетъ заключаться въ *одномъ* сужденіи, что діалектика не признаетъ формулы „либо—либо“, потому что для нея и законъ исключеннаго третьяго — давнымъ давно брошенный баластъ“. (Hartmann, Die dial. Methode, 1869, p. 39).

Отсюда вытекаетъ, что „настоящаго діалектика никакимъ образомъ нельзя въ его сознаніи довести до абсурда; ибо тамъ, гдѣ для всѣхъ людей начинается абсурдъ, — именно съ областью противорѣчій, — для діалектика лишь начинается область премудрости. Но спрашивается, есть ли какое либо другое средство доказать ложность какого-нибудь утвержденія, кромѣ какъ приведеніемъ его къ абсурду, дѣлая изъ него такіе выводы или представляя это утвержденіе въ такомъ видѣ, что результатомъ его непремѣнно является противорѣчіе? Только діалектикъ дѣлаетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Для него, наоборотъ, пробный камень ложнаго, это — *отсутствіе* противорѣчія, а всеобщій формальный критерій истины лежитъ въ единствѣ противорѣчія съ тождествомъ, въ тождественности противорѣчивыхъ положеній и понятій. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что всякое противорѣчіе, а стало быть, всякій вздоръ и безсмыслица признавались бы діалектикомъ за истину; однако — одно несомнѣнно, что его критерій истины не идетъ дальше требованія противорѣчій. А для того, чтобъ разобраться въ томъ, составляетъ ли какое-либо противорѣчіе истину или чушь, — на это у діалектика нѣтъ формальнаго критерія“.

Конечно, послѣдній упрекъ Гартмана, книга котораго вышла задолго до появленія работы Энгельса о Дюрингѣ, не можетъ касаться Маркса и его діалектической методологіи. Отказавшись, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, отъ всякихъ апріорныхъ конструкцій, Марксъ можетъ признавать критеріемъ самую дѣйствительность, и то противорѣчіе будетъ истиной, которое на самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Для такого критерія необходимы глаза да

уши, да точные пріемы индуктивнаго изслѣдованія, при единственномъ условіи—не бояться противорѣчій, а, наоборотъ, ежечасно ихъ ожидать. Можно ли согласиться даже и на *такую* постановку діалектическаго метода и остались ли ей вѣрны сами Марксъ и Энгельсъ,—всѣ эти вопросы касаются діалектической методологіи и, стало быть, выходятъ изъ предѣловъ настоящей статьи, посвященной спеціально діалектической логикѣ.

Дослушаемъ, поэтому, жалобы Гартмана. „Помощью обыкновенныхъ логическихъ доказательствъ", продолжаетъ онъ, „никакъ не справишься съ діалектикомъ". Къ этому еще надо прибавить текучесть его понятій. Ибо другое непремѣнное условіе всякаго спора состоитъ въ томъ, чтобы оставаться при разъ принятомъ опредѣленіи, и если говорить объ А, такъ ужъ и думать объ А, а не о Б. Но для діалектика основное свойство А заключается въ томъ, чтобы быть въ то же время и Б. И только что вы убѣдились, положимъ, что нанесли противнику пораженіе относительно А, какъ уже оказывается, что онъ давно ускользнулъ отъ васъ къ Б... Вполнѣ уяснить это отношеніе чрезвычайно важно. Не діалектику хочется, понятно, и на своемъ діалектическомъ противникѣ испробовать свои обыденные пріемы критики, и потому ему кажется удивительнымъ, что онъ ни на волосъ не подвигается впередъ, что онъ оказывается въ положеніи, въ какомъ находился бы человѣкъ, гоняющійся за призраками: только что онъ вогналъ призракъ въ уголъ и хочетъ словить его, какъ тотъ уже хохочетъ надъ нимъ изъ другого угла". (Hartmann, ib. 43—44).

Жалоба Гартмана на такое досадное и смѣшное положеніе понятна и простительна. Не удивительно, поэтому, что критики „противорѣчивой логики" не задумывались надъ ея философскими обоснованіями и занимались, главнымъ образомъ, формально-логическимъ разборомъ отдѣльныхъ діалектическихъ тезисовъ, результатомъ чего явилось то открытіе, что діалектическіе законы и утвержденія идутъ въ разрѣзъ съ законами формальной логики, т.-е. другими словами, что антилогичная діалектика есть діалектика, а не логика—результатъ, который въ одинаковой степени могъ удовлетворить, какъ одну, такъ и другую изъ спорящихъ сторонъ.

Нельзя, конечно, отрицать, что подобная критика весьма полезна для дискредитированія діалектическаго метода мышленія. Надо же, наконецъ, убѣдиться въ томъ, что всѣ фактическія доказательства, которыми діалектикъ думаетъ подкрѣпить свои основоположенія,

разлетаются въ прахъ, чуть только подвергаешь ихъ болѣе глубокому логическому анализу. Но съ другой стороны, намъ кажется, что ограничиваться при оцѣнкѣ діалектики одними только жалобами да доказательствами неправоты діалектиковъ съ точки зрѣнія формальной логики, врядъ ли возможно, уже по одному тому, что вѣдь діалектическій методъ мышленія, съ его отрицаніемъ главнѣйшихъ законовъ логики, не съ неба свалился въ философію, и, стало быть, „должна же быть какая-либо причина" его существованія.

Несомнѣнно, что ни Фихте, ни Шеллингъ, ни Гегель, ни Марксъ никогда не показывали намъ, какимъ образомъ и почему они дошли до діалектическаго метода мышленія. Гегель проводилъ даже мысль о невозможности такихъ доказательствъ на почвѣ „метафизическаго" т.-е. формально-логическаго мышленія. Несомнѣнно и то, что утвержденіе одного изъ новѣйшихъ поклонниковъ діалектики, будто Гегель нашелъ „das genetische Urwesen alles Denkens in den Tiefen des Geistes", т.-е. „генетическую первосущность (мы чуть было не перевели: „прасубстанцію") всякаго мышленія въ глубинахъ духа" *), что это утвержденіе имѣетъ какой-либо смыслъ только для такихъ же сторонниковъ діалектики, какъ онъ самъ.

Но не смотря на всю видимую необоснованность этого ученія, не смотря на всю его несостоятельность съ точки зрѣнія логики, оно имѣетъ свои достаточныя причины для своего появленія въ философіи и для своего господства надъ умами лучшихъ людей Германіи конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ.

Уже одно то обстоятельство, что такіе по истинѣ колоссальные умы, какъ Фихте, Шеллингъ и Гегель, такіе несомнѣнно крупные, трезвые мыслители, какъ Штраусъ, Марксъ и Лассаль,—если называть только всѣмъ извѣстныя имена,—могли увлечься такимъ абсурднымъ ученіемъ, достаточно показываетъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ безсиліемъ мысли и не съ капризами взбалмошнаго генія, а съ глубокими и серьезными доводами философскаго характера, значеніе которыхъ для созданія діалектики было, быть можетъ, не совсѣмъ ясно и для самихъ ея творцовъ и приверженцевъ.

Вотъ въ раскрытіи этихъ-то *философскихъ предпосылокъ* и вліяній, приведшихъ въ своей совокупности къ діалектическому методу мышленія, и должна, по нашему мнѣнію, состоять задача всякаго, кто намѣренъ проникнуть въ „тайны гегелевской діалектики".

---

*) Eugen Heinrich Schmitt. Das Geheimnis der Hegelschen Dialektik. Halle a. S. 1888, S. 93.

А такъ какъ эти доводы и вліянія существовали раньше „противорѣчивой логики“, стало быть возникли на почвѣ нормальнаго человѣческаго мышленія, и только *своей совокупностью* дали въ результатѣ отрицаніе законовъ логики, то раскрытіемъ этихъ доводовъ и вліяній добывается тотъ „минимумъ общей почвы“, который необходимъ для плодотворнаго разбора этого ученія.

Если окажется, что всѣ философскія предпосылки, необходимыя для обоснованія діалектики и на самомъ дѣлѣ приведшія къ ней, не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, тогда волей-неволей приходится мириться съ неожиданными результатами, вытекающими изъ ихъ совокупности.

Если же окажется, что хоть одна изъ этихъ необходимыхъ предпосылокъ не вѣрна, мало вѣроятна или не вяжется, по крайней мѣрѣ, у матеріалистовъ-послѣдователей діалектики—съ другими ихъ философскими ученіями, тогда добросовѣстный матеріалистъ-діалектикъ долженъ будетъ согласиться, что въ его ученіи пробита брешь.

II.

„Тайна гегелевской діалектики“.

Основная мысль діалектической логики Маркса состоитъ въ томъ, что законы формально-логическаго мышленія, съ его верховнымъ принципомъ исключенія противорѣчій, имѣютъ только *относительную* цѣнность, и что мы въ состояніи подняться на болѣе высокую ступень человѣческаго познанія, откуда существованіе внутреннихъ противорѣчій во всѣхъ міровыхъ явленіяхъ должно казаться чѣмъ-то необходимымъ и даже само собою разумѣющимся. Рядомъ съ „обыденнымъ“ мышленіемъ, мы имѣемъ еще и не обыденное, которое управляется совершенно другими законами, чѣмъ повседневная человѣческая мысль. Ибо и діалектикъ, конечно, не отрицаетъ, что наше „повседневное“, „разсудочное“ или „метафизическое“ мышленіе вполнѣ подвластно формальной логикѣ и обязательно должно подчиняться закону противорѣчія, какъ своему верховному критерію. Онъ утверждаетъ только, что въ нашемъ разумѣ скрытъ познавательный процессъ, который заслоняется обыденнымъ логическимъ мышленіемъ. Законы этого высшаго познавательнаго процесса, постепенно раскрываясь передъ умственнымъ взоромъ мыслящаго человѣчества, только у Гегеля нашли

свое полное развитіе, несмотря на ту мистическую форму, въ которую они были облечены этимъ мыслителемъ. Но послѣ крушенія идеалистической метафизики Марксу и Энгельсу удалось „*спасти*“ эту „сознательную діалектику“, очистить ее отъ мистическихъ формъ и перенести въ матеріалистическое пониманіе природы и исторіи. (AD. XIV—XV).

Такой взглядъ на вещи основанъ на убѣжденіи, что строеніе нашего разума заключаетъ въ себѣ *два различныхъ типа* организаціи, — логическій и діалектическій типъ. Причемъ логическій типъ, подчиняющійся законамъ формальной логики, доставляетъ намъ лишь одностороннее и *фиктивное* познаніе, тогда какъ діалектическій типъ, для котораго законы логики не писаны, въ состояніи вести насъ къ истинному взгляду на міръ.

Это убѣжденіе въ двойственности нашей познавательной способности присуще всѣмъ тѣмъ мыслителямъ, которые, въ большей или меньшей степени, придерживались діалектическаго метода мышленія. Такъ, напримѣръ, Декартъ, Спиноза, Фихте и Шеллингъ пріурочивали „высшія“ формы мышленія къ „интеллектуальному созерцанію“, Гегель отводилъ эту роль „діалектическому“ разуму, который противополагался имъ *разсудку*, не смотря на то, что оба они стояли у него въ генетической связи. Точно также и Марксъ, и Энгельсъ признавали двѣ *формы* или два *метода* мышленія: метафизическій и діалектическій.

Вотъ этотъ-то принципъ двойственности организаціи нашего ума и составляетъ ту философскую предпосылку, которая въ состояніи сдѣлать діалектическую логику хоть нѣсколько правдоподобной. Въ самомъ дѣлѣ, становясь на такую точку зрѣнія, діалектикъ легко можетъ объяснить себѣ, почему люди, у которыхъ *другой*, высшій типъ организаціи ума еще заслоняется типомъ низшимъ, логическимъ,—почему этимъ людямъ діалектическіе законы кажутся чистѣйшимъ абсурдомъ.

Это происходитъ отъ того, что, при исключительномъ господствѣ формально логической организаціи нашего ума, мы дѣйствительно не въ состояніи открыть внутреннія противорѣчія въ естественныхъ явленіяхъ, просто потому, что „разсудокъ“ не въ состояніи „объять“ эти противорѣчія. Но такая ограниченность разсудка не даетъ намъ права думать, что и весь міръ долженъ руководствоваться ею. Къ основнымъ свойствамъ логической мысли мы имѣемъ право относиться также скептически, какъ мы отно-

симся, напримѣръ, къ свидѣтельскимъ показаніямъ нашихъ внѣшнихъ органовъ чувствъ. Наши органы чувствъ говорятъ намъ, напримѣръ,—и притомъ съ непреоборимой убѣдительностью говорятъ,—что солнце вертится вокругъ земли, а не земля вокругъ солнца. Съ такой же непреоборимой убѣдительностью говоритъ намъ и разсудокъ, что одна и та же вещь не можетъ въ одно и то же время и существовать, и не существовать. Но это означаетъ только, что нашимъ органамъ внѣшнихъ воспріятій такъ же невозможно подняться на точку зрѣнія науки, какъ разсудку невозможно подняться до точки зрѣнія діалектическаго разума. Разсудокъ не въ состояніи освободиться отъ *своихъ субъективныхъ логическихъ законовъ* въ той же степени, въ какой органы внѣшнихъ ощущеній не могутъ отказаться отъ своихъ субъективныхъ звуковыхъ и зрительныхъ впечатлѣній. Но вѣдь послѣ долгихъ научныхъ изысканій, мы теперь мало довѣряемъ нашимъ „здравымъ человѣческимъ глазамъ". Мы аппелируемъ къ болѣе высокимъ инстанціямъ. Почему же намъ и здравому „человѣческому разсудку" не напомнить о его шесткѣ?

— *Гляди же*, какъ земля вертится вокругъ солнца, какъ цвѣта суть вовсе не цвѣта, а только безцвѣтныя колебанія эфира!

— Нѣтъ, *видѣть* этого нельзя, это можно только мыслить!..

— Такъ мысли же, что А равняется „не А", что одна и та же вещь существуетъ и не существуетъ въ одно и то же время!

— Нѣтъ, *мыслить* этого нельзя, это можно только *знать*.

Такъ можетъ думать діалектикъ, и поэтому-то всѣ формально логическіе нападки на его доктрину должны были отскакивать отъ него, какъ отскакиваютъ отъ человѣка научно образованнаго всѣ доводы отъ „здравыхъ человѣческихъ глазъ", приводимые людьми, мало знающими.

Теоретико-познавательный дуализмъ, въ той или другой формѣ является, такимъ образомъ, *необходимой предпосылкой всякаго діалектическаго мышленія*. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякій теоретико-познавательный дуализмъ съ своей стороны былъ бы обязательно связанъ съ діалектическимъ мышленіемъ. Возможны теоретико-познавательные дуалисты, которые тѣмъ не менѣе далеки отъ отрицанія законовъ формальной логики. Напомнимъ только о Кантѣ, который провелъ рѣзкую разницу между разсудкомъ и разумомъ, и въ то же время признавалъ законъ противорѣчія высшей нормой нашего мышленія, несмотря на то, что значеніе

формальной логики было сведено имъ къ теоретико-познавательному минимуму.

Впрочемъ, въ системѣ Канта находятся многіе зародыши діалектическаго мышленія. Но его ученіе о непознаваемости „вещи въ самой себѣ" было почвой абсолютно неблагопріятной для ихъ развитія. Не удивительно поэтому, что діалектическіе зародыши стали давать ростки чуть только скептицизмъ Маймона вытравилъ „вещь въ себѣ" изъ философской системы Канта. Уже у Соломона Маймона мы находимъ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о тѣхъ условіяхъ, *при которыхъ „абсолютное я" должно мыслить противорѣчіе**) У Фихте это „абсолютное я" уже поступаетъ совершенно діалектически. Оно не боится противорѣчія и взираетъ на законы формальной логики, какъ на нѣчто низшее *производное*, которое должно подчиняться верховной компетенціи „абсолютнаго я". Въ еще большей степени это справедливо относительно Шеллинга, не говоря уже о Гегелѣ, у котораго логика противорѣчій является душею всей его системы.

Наша статья, не претендующая на то, чтобы вполнѣ исчерпать предметъ, разрослась бы слишкомъ далеко, если бы мы захотѣли остановиться на всѣхъ отдѣльныхъ мысляхъ Канта, которыя вліяли на развитіе діалектическаго метода мышленія.

Коснемся пока только тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы Гегелемъ изъ ученія Канта объ антиноміяхъ,—ученія, тѣсно связаннаго съ его теоретико-познавательнымъ дуализмомъ и изложеннаго въ главѣ, такъ и озаглавленной: „діалектика чистаго разума". Своимъ ученіемъ объ антиноміяхъ Кантъ хотѣлъ показать, какъ нашъ разумъ, чуть только онъ оставитъ область, доступную опыту и наблюденію, долженъ для одного и того же вопроса выставить съ одинаковой необходимостью два противорѣчащихъ другъ другу отвѣта. Міръ конеченъ и—не имѣетъ конца. Онъ имѣетъ творца—и не можетъ быть плодомъ творенія и т. д., и т. д. Кантъ хотѣлъ этимъ доказать, что рѣшеніе этихъ вопросовъ превышаетъ силы нашего разума, ибо сей послѣдній обязательно при этомъ запутывается въ противорѣчіяхъ. Но этотъ теоретико-познавательный выводъ Канта долженъ былъ пасть вмѣстѣ съ паденіемъ „вещи въ самой себѣ". Гегелю казалось даже страннымъ, чтобы разумъ не

---

*) См. S. Maimon. Versuch über die Transcendentalphilosophie, 1790, S. 153 и въ особенности стр. 249.

былъ въ состоянін познать безконечное. „Странный результатъ, говоритъ онъ, въ то время, когда безконечное есть разумное, говорить, что разумъ не способенъ познать разумное.“ (Logik Bd. I. S. 44).

Что же въ такомъ случаѣ Кантъ доказывалъ своимъ ученіемъ объ антиноміяхъ?

Не что иное, отвѣчаетъ Гегель, какъ то, что противорѣчіе есть „необходимое дѣяніе самаго разума“ (тамъ же). Ошибка Канта состояла, по мнѣнію Гегеля, вотъ въ чемъ. Онъ, т.-е. Кантъ, не замѣтилъ, что „антиномія находится не только въ четырехъ предметахъ, выхваченныхъ изъ космогоніи, но *во всѣхъ* предметахъ *всѣхъ* родовъ, во всѣхъ представленіяхъ, понятіяхъ и идеяхъ“ *) Отсюда видно также, что второй философской предпосылкой діалектической логики является тотъ кардинальный пунктъ всякой метафизики, по которому сущность вещей можетъ быть познаваема. Діалектическій методъ мышленія и считался у Шеллинга и Гегеля необходимымъ орудіемъ „спекулятивнаго разума“, способнаго проникнуть въ тайны бытія.

Рядомъ съ теоретико-познавательнымъ дуализмомъ и ученіемъ о томъ, что сущность міра познаваема, дальнѣйшей важной предпосылкой для „логики противорѣчій“ является *натуръ-философскій монизмъ*, т.-е. ученіе о томъ, что весь міръ, во всѣхъ своихъ частяхъ и явленіяхъ, состоитъ изъ одной и той же субстанціи. „Единое и все“ элейцевъ,—вотъ гдѣ была колыбель діалектической логики. И все равно, будемъ ли мы, вмѣстѣ съ элейцами и Спинозой, противопоставлять міру явленій вѣчное „бытіе“, или вѣчную „субстанцію“, или же станемъ, вмѣстѣ съ Гераклитомъ и классической германской философіей, разсматривать міръ, какъ вѣчное возникновеніе, мы должны, съ точки зрѣнія монизма, разсматривать всѣ противоположности эмпирическаго міра, какъ нѣчто единое и нераздѣльное. Притомъ это единство міра должно лежать не *внѣ* эмпирическихъ противоположностей, но *внутри* ихъ, совершенно съ ними совпадая. Эмпирическія противоположности міра, которыя обыкновенному мышленію кажутся *противорѣчащими другъ другу*, должны явиться, при глубокомъ проникновеніи въ „суть“ вещей, *совпадающими другъ съ другомъ*.

Матерія и духъ, покой и движеніе, пассивное и активное, простое и сложное, внѣшнее и внутреннее, свѣтъ и тьма, любовь и

*) Encyklopädie. Изданіе Розенкранца, ст. 71, 72.

ненависть, причина и слѣдствіе, добро и зло, истина и ложь, красота и безобразіе, свобода и необходимость, законъ и случай, жизнь и смерть,—все это въ одно и то же время тождественно другъ съ другомъ.

„Богъ есть день и ночь, зима и лѣто, война и миръ, сытость и голодъ“, говоритъ Гераклитъ *).

Такой взглядъ вполнѣ совпадаетъ съ его изреченіемъ: „противоположное едино есть“, или какъ Аристотель формулируетъ его мысль:—„Все существуетъ и не существуетъ въ одно и то же время“.

Эригена, Николай изъ Кузъ и Джіордано Бруно, по крайней мѣрѣ по сколько они держались „принципа совпаденія противоположностей“ („principium coincidentii oppositorum“), были монистами и въ то же время діалектиками. Да въ извѣстной степени и Спиноза, отецъ современнаго, т.-е. *не* матеріалистическаго и *не* идеалистическаго монизма, былъ діалектикомъ, изреченіе котораго: „всякое опредѣленіе есть отрицаніе“—особенно подчеркивается Гегелемъ и Марксомъ. „Опредѣленіе не принадлежитъ къ бытію предмета, но скорѣе къ его *небытію*“, говоритъ Спиноза вполнѣ діалектически“**).

Надобно ли добавлять, что расцвѣтъ діалектики въ германской классической философіи былъ тѣсно связанъ съ идеалистическимъ монизмомъ? Этическій пантеистъ Фихте, у котораго міръ вышелъ, „какъ цвѣтокъ, распускающійся изъ сѣмени“, по выраженію Гегеля, или „который выколдовалъ міръ точно изъ пустого орѣха“, по мнѣнію Фридриха-Альберта Ланге, впервые въ германской философіи сочеталъ монизмъ съ діалектикой. Шеллингъ, Гегель и Марксъ шли лишь по его стопамъ ***).

*) Paul Schuster. Heraclit von Ephesus (Acta societatis philologicae Lps. Bd. III) S. 186. Фрагментъ 67. „Живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое суть лишь проявленія одной и той же субстанціи, ибо что въ настоящее время составляетъ эту вещь, скоро сдѣлается той вещью и то, что въ настоящее время та вещь, въ свою очередь сдѣлается такою, какъ эта, ибо какъ изъ той же глины можно образовать фигуры и снова смять, и опять образовать, и снова смять, и такъ попеременно до безконечности, такъ и природа создала изъ той же матеріи сперва нашихъ праотцовъ, потомъ нашихъ отцовъ, а потомъ и насъ самихъ“. Тамъ же, стр. 173. (Фрагментъ 59).

**) Переписка Спинозы (нѣмецкое изданіе Кирхманна, Berlin, 1871), стр. 176.

***) О діалектическомъ монизмѣ у Гегеля см. его Логику, т. I ст. 116—117, гдѣ доказывается, что Богъ, какъ „совокупность всѣхъ реальностей“ обязательно долженъ заключать въ себѣ всѣ противорѣчія. Ибо реальность есть опредѣленіе, а „omnis determinatio est negatio.“ „Dieser Satz ist von unendlicher Wichtigkeit“ говоритъ Гегель. Ср. также Маркса Kapital, I, S. 619 и Энгельса Anti-Dühring S. 145.

Всякій діалектикъ есть монистъ, но не всякій монистъ обязательно долженъ быть діалектикомъ. Естественному стремленію монизма къ діалектикѣ можно противодѣйствовать тѣмъ, что признать вмѣстѣ съ наивнымъ, не критическимъ мышленіемъ реальность времени и пространства. Если время и пространство въ самомъ дѣлѣ являются вѣчными реальными основами бытія, то тогда и монистъ ничего не можетъ имѣть противъ того, чтобы противоположныя свойства и явленія міра, какъ бы ни было велико ихъ внутреннее единство, могли различаться другъ отъ друга, либо по мѣсту, занимаемому ими въ пространствѣ, либо по времени, въ которомъ они выступаютъ наружу. Само собой разумѣется, что тутъ идетъ дѣло лишь о такихъ свойствахъ и явленіяхъ, которыя взаимно исключаютъ другъ друга, какъ напр. жизнь и смерть. Какъ бы ни были тождественны процессы, которые мы называемъ жизнью и смертью (а они могутъ быть тождественны, когда мы сводимъ ихъ, напр., къ одному и тому же роду движенія), но *тамъ*, гдѣ жизнь, и *покуда* жизнь, смерти нѣтъ *мѣста*.

Такимъ образомъ можно спасти законъ противорѣчія и вытекающій изъ него законъ исключеннаго третьяго, и одинъ и тотъ же предметъ не будетъ *въ одно и то же время* „имъ самимъ и чѣмъ-то другимъ“. Поэтому къ самымъ важнымъ предпосылкамъ діалектической логики принадлежитъ также и ученіе объ *идеальности времени и пространства*, хотя бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ это ученіе было изложено въ „трансцендентальной эстетикѣ“ Канта, по которому время и пространство являются предварительными („апріорными“) формами нашего „созерцанія“,—формами, присущими только нашей организаціи, но не примѣнимыми къ „вещи въ себѣ“.

Оставляя въ сторонѣ философское значеніе этого взгляда и обращая вниманіе лишь на его психологическую основу, не трудно замѣтить слѣдующее, на нашъ взглядъ, весьма важное обстоятельство. Когда мы убѣждаемъ себя, что въ сущности пространства нѣтъ, мы безсознательно замѣняемъ наше представленіе о пространствѣ представленіемъ о „математической точкѣ“, и когда мы говоримъ себѣ, что времени нѣтъ, мы также безсознательно сокращаемъ время до размѣровъ одного единственнаго мгновенія. Вотъ эта-то психологическая замѣна времени и пространства „мгновенной точкой“ и безконечно важно для діалектической логики.

Если весь міръ составляетъ только одну точку-мигъ и если всѣ противоположности и противорѣчія міра остаются въ своей

конкретности, то эта „точка-мигъ“ должна быть, разумѣется, полнымъ полна противорѣчій *).

Да сама „трансцендентальная эстетика“ Канта должна была помогать выработкѣ того самаго метода мышленія, который столь не гармонируетъ съ его ученіемъ о непознаваемости вещи въ себѣ. Но не только ученіе о „трансцендентальной идеальности“ времени и пространства, почти всѣ призрачныя стороны философіи Канта должны были внести свою долю, чтобъ обосновать призрачное царство діалектики. Отмѣтимъ лишь ту роль въ обоснованіи „діалектическаго“ мышленія, которую играло его ученіе о категоріяхъ разсудка. Уже не говоримъ о томъ, что таблица этихъ категорій расположена у Канта трихотомически, по знаменитой тріадѣ тезиса, антитезиса и синтезиса,—обстоятельство, которое, какъ читатель догадывается, имѣло вліяніе на діалектическую методологію и діалектическую теорію развитія. Уже не говоря объ этомъ, легко понять, какъ ученіе Канта объ апріорности категорій разсудка и объ ихъ непримѣнимости къ сущности вещей должно было повліять на возникновеніе діалектической логики. Вѣдь разсудокъ, по Канту, представляетъ собою способность мышленія болѣе низкую, чѣмъ разумъ, и вѣдь къ „ограниченнымъ“ категоріямъ этого разсудка принадлежатъ и такія, какъ реальность и отрицаніе, причина и слѣдствіе, бытіе и небытіе, необходимость и случайность.

Не удивительно поэтому, если послѣдующіе философы и старались доказать, что разсудокъ, съ его категоріями, не можетъ служить указомъ „интеллектуальному созерцанію“ или „умозрительному разуму“, которые сорвутъ завѣсу съ тайнъ бытія, лишь только оставятъ точку зрѣнія „ограниченной рефлексіи“, съ ея противопоставленіями такихъ понятій, какъ реальность и отрицаніе, бытіе и небытіе. Но если это такъ, то понятно, что эти противоположности не могутъ имѣть абсолютнаго значенія. Онѣ или

---

*) Что Гегель признавалъ трансцендентальную идеальность времени и пространства, видно изъ слѣдующаго мѣста: „Das Ding hat zwei Bestimmungen, erstlich „dieses“ und zweitens das „Auch“ zu sein. Das Auch ist dasjenige, was in der äusseren Anschaung als Raumausdehnung vorkommt“. (Cp. Hegels Encyklopädie, ed. Rosenkranz. S. 213—216). Подробнѣе объ этой сторонѣ ученія Гегеля можно прочесть у Розенкранца въ его „Kritische Erlaüterungen des Hegelischen Systems“ Königsberg, 1840 въ главѣ: „Probe eines Kommentars zu Hegels Lehre von Raum und Zeit“. Но какже сочетать ученіе объ идеальности времени съ ученіемъ о конкретномъ развитіи, возможномъ только во времени? Отвѣта на этотъ вопросъ требуйте у самого Гегеля.

совсѣмъ не играютъ никакой роли въ жизни субстанціи, какъ это думалъ Шеллингъ (и тогда сія послѣдняя дѣлается, по выраженію Гегеля, „ночью, въ которой всѣ коровы черны"), или же онѣ заключаются въ ней именно... какъ внутреннія противорѣчія, каковой выводъ и сдѣланъ былъ Гегелемъ. „Критика формъ разсудка, говоритъ онъ, имѣла результатомъ то, что эти формы не примѣнимы къ вещи въ самой себѣ... Но если онѣ не достаточны для вещи въ самой себѣ, то и разсудокъ не долженъ подчиняться ихъ господству. Вѣдь и онъ вещь въ себѣ, стало быть и онъ представляетъ нѣчно противорѣчащее самому себѣ" *).

Всѣ эти теоретико-познавательныя и метафизическія соображенія, обусловливающія діалектику, выступаютъ еще съ большей силой въ Гегелевской философіи, этой вершинѣ всякой метафизической мысли. Гегель, какъ извѣстно, видѣлъ внутреннюю природу каждаго предмета въ его логическомъ понятіи **). А такъ какъ понятіе есть „актъ мысли", то, стало быть, совокупность вещей или, что тоже, міръ долженъ имѣть свою внутреннюю сущность въ совокупности понятій, т.-е. въ мышленіи. Отсюда—логическій пантеизмъ Гегеля, отсюда же его ученіе о томъ, что абсолютное понятіе, заключающее въ себѣ всѣ остальныя, есть душа міра, „die Seele der Welt" ***).

Насъ повело бы слишкомъ далеко, если бъ мы захотѣли подробнѣе показать, какъ всѣ философскія предпосылки діалектическаго метода мышленія должны были особеннымъ образомъ модифицироваться на почвѣ этой философіи.

Замѣтимъ только, что отрицаніе закона противорѣчій — этотъ центральный пунктъ діалектической логики — по необходимости должно вытекать уже изъ самаго значенія, которое Гегель придаетъ слову—„понятіе". Подъ этимъ терминомъ онъ понимаетъ не только *сумму* сходныхъ признаковъ, присущихъ какому-либо роду явленій или вещей, но всю совокупность всѣхъ тѣхъ явленій и вещей, которая охватывается нами однимъ общимъ именемъ. Въ этомъ смыслѣ понятіе является не плодомъ абстрагирующей дѣятельности человѣческаго ума, но метафизической сущностью, ле-

*) Logik. I, S. 31. Что у Фихте и Гегеля выставлены другія категоріи, чѣмъ у Канта, нисколько не мѣняетъ самаго дѣла, т.-е. отношенія этихъ мыслителей къ разсудочнымъ категоріямъ вообще.

**) „Die Natur eines Gegenstandes heisst so viel als sein „*Begriff*". Hegel's Pilosophie d. Gesch. (1837) S. 41.

***) Hegel. Phänomenologie d. Geistes (1832) S. 126.

жащей внѣ человѣческаго мышленія и по необходимости заключающей въ себѣ не только сходные, но и всѣ остальные признаки явленій и вещей, даже и такіе, которые противорѣчатъ другъ другу.

„При философскомъ разсмотрѣніи дѣла, говоритъ Гегель, понятіе является главнымъ дѣломъ, субстанціей, подобной ростку, изъ котораго развивается все дерево... Такимъ образомъ понятіе содержитъ въ себѣ *всю* природу предмета и само познаніе есть не что иное, какъ развитіе понятія, развитіе того, что въ немъ заключено" *).

Чтобы лучше уяснить себѣ значеніе этого опредѣленія для діалектической логики, возьмемъ какой-нибудь примѣръ, ну, хотя бы понятіе треугольника, которое со времени Беркелея сдѣлалось уже школьнымъ примѣромъ въ логической наукѣ.

Если разсматривать понятіе о треугольникѣ только какъ абстрактное общее понятіе, то оно должно заключать въ себѣ лишь тѣ признаки, которые одинаково присущи всѣмъ треугольникамъ вообще; положимъ: три стороны и три угла. Тотъ фактъ, что имѣются равнобедренные и неравнобедренные, прямоугольные и тупоугольные треугольники, не можетъ быть принятъ во вниманіе при образованіи понятія о треугольникѣ вообще. Но если это понятіе охватываетъ собою не только признаки, общіе всѣмъ треугольникамъ, но и тѣ, которые присущи каждому треугольнику порознь, то метафизическій треугольникъ, треугольникъ-субстанція долженъ быть въ одно и то же время и прямоугольнымъ и тупоугольнымъ, и равнобедреннымъ и неравнобедреннымъ, ибо всѣ эти признаки лежатъ въ немъ, какъ въросткѣ, изъ котораго развивается все дерево. А если это такъ, то каждое общее понятіе должно заключать въ себѣ внутреннее противорѣчіе. „Каждое понятіе, говоритъ поэтому Гегель, представляетъ собою по существу *единство* различныхъ и различаемыхъ моментовъ, которые дѣлаются противорѣчащими другъ другу" **).

Но такъ какъ понятіе составляетъ природу каждаго предмета, то и каждый предметъ долженъ заключать въ себѣ внутреннія

*) Hegels Religionsphilosophie (1832) Bd. I, S 33.

**) Logik, II, S. 72. Отсюда понятно также, почему Гегель въ простомъ различіи усматриваетъ уже противорѣчіе. Соотвѣтствующіе различные признаки одного и того же рода явленій (какъ, напримѣръ, прямоугольность тупоугольность и т. д.) должны противорѣчить себѣ, будучи приписаны одномъ и тому же предмету. Срав. S. 71.

противорѣчія. „Всѣ вещи, говоритъ Гегель, противорѣчатъ самимъ себѣ“ *).

Вотъ, стало быть, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается самое простое объясненіе „тайнъ Гегелевской діалектики“, легшихъ въ основу философскаго марксизма.

III.

Философскія предпосылки діалектической логики у Маркса и Энгельса.

Если нашъ разумъ въ состояніи понять міровую „субстанцію“; если эта „субстанція“ монистична и реализируется во всѣхъ противоположностяхъ и противорѣчіяхъ эмпирическаго міра, такъ что всѣ онѣ представляютъ собою не что иное, какъ проявленіе этой вѣчной единой сущности; если, далѣе, пространство и время, которыя могли бы разъединять противорѣчивыя и противоположныя явленія, на самомъ дѣлѣ лишь идеальные продукты, за которыми не скрывается никакая дѣйствительность; если, наконецъ, природу какого-либо предмета надо искать въ его понятіи и каждое понятіе составляетъ своего рода „ἓν καὶ πᾶν“ (Единое и все) въ миніатюрѣ,—то изъ всего этого неминуемо должно вытекать, что мышленіе, основанное на категоріяхъ разсудка, съ его боязнью противорѣчій, должно быть отнесено къ низшему типу, результаты котораго не могутъ быть обязательны для болѣе глубокаго пониманія міра.

Можетъ ли формально-логическая критика, при такомъ положеніи дѣла, рѣшить вопросъ о діалектикѣ, даже если бъ эта критика была такой же блестящей, какъ у Тренделенбурга и Гартмана? Мы думаемъ: нѣтъ. Если оставить не тронутыми изложенныя нами философскія предпосылки діалектики, то чисто логическій разборъ ея рѣшительно не достигаетъ цѣли. И Гегель, понятно, не былъ ребенкомъ въ формальной логикѣ. Почти на каждой страницѣ, гдѣ мы находимъ его самые грубые проступки противъ общепринятыхъ законовъ мышленія, Гегель не стѣсняется привести и тѣ логическія возраженія со стороны „внѣшней рефлексіи“, помощью которыхъ всякій можетъ легко распутать всѣ его софизмы. Иногда онъ

*) „Alle Dinge sind an sich selbst widersprechend“ Logik, II, S. 67.

ограничивается простымъ презрительнымъ кивкомъ въ ихъ сторону, но большею частью онъ не довольствуется только презрительной передачей доводовъ разсудочнаго мышленія, а старается въ нихъ же самихъ найти внутреннее противорѣчіе, причемъ, въ свою очередь, еще больше запутывается въ противорѣчіяхъ и софизмахъ. Все это оставляетъ странное—скажемъ болѣе—потѣшное впечатлѣніе, но все это лишь доказываетъ, что для Гегеля было бы несомнѣнно выгоднѣе, если бы онъ излагалъ свои взгляды въ пророчески догматическомъ тонѣ, не пускаясь въ борьбу съ „грубымъ разсудкомъ“: ибо сей „простой парень“, не понимающій никакихъ высшихъ кунштюковъ, „въ домашней области своихъ четырехъ стѣнъ“, какъ выражается Энгельсъ, прямо таки непобѣдимъ... Поэтому-то гегельянцы поступали весьма разумно, когда отказывались отъ всякой полемики на почвѣ разсудочной логики и укрѣплялись по ту сторону закона противорѣчія.

Первое нападеніе со стороны противниковъ діалектики должно было быть направлено на ея философскія обоснованія, на тѣ мотивы, которые неминуемо должны были привести къ ней. И эта задача была дѣйствительно выполнена съ такой основательностью, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго. И выполнилъ ее не тотъ или другой отдѣльный мыслитель, а вся исторія современной философской мысли, съ Гегеля до нашихъ дней. Фейербахъ разрушилъ до основанія гегелевское ученіе о понятіи. Современная психологія и теорія познанія уничтожили пагубный дуализмъ разсудка и разума. Тѣ отсталыя стороны ученія Канта, которыми воспользовались діалектики, были въ достаточной степени разобраны и отвергнуты. Вопросъ о тождествѣ бытія и мышленія и познаваемости субстанціи сдѣлался еще болѣе острымъ, благодаря успѣхамъ физіологіи нервовъ. А монизмъ одинъ, принимаемый лишь какъ скромная гипотеза и подвергнутый контролю современнаго критицизма, вовсе не долженъ вести къ діалектической логикѣ.

Невольно поэтому является вопросъ: какимъ же образомъ „логика противорѣчій“ могла найти себѣ послѣдователя и защитника въ такомъ крупномъ мыслителѣ, какъ Марксъ? Какимъ образомъ ею могъ увлечься тотъ самый Марксъ, который восторженно славословилъ Фейербаха за раскрытіе тайнъ гегелевской „системы“ и *уничтоженіе діалектики понятій?* *) Тотъ самый Марксъ, ко-

*) Marx und Engels. Die heilige Familie. Frankfurt a/M. 1845. S. 139.

торый еще въ сорокъ пятомъ году въ слѣдующихъ краткихъ, но характерныхъ словахъ изложилъ свое мнѣніе о гегелевской философіи: „Эта поблекшая и овдовѣвшая гегелевская философія, писалъ онъ, есть и остается старой женщиной, которая краситъ и рядитъ свое до противной абстракціи исхудалое тѣло и разыскиваетъ себѣ по всей Германіи жениха“ *). Какъ же онъ,—будучи такъ близокъ къ истинѣ,—могъ придти къ убѣжденію, что гегелевскую философію „нельзя просто устранить“, что эту старую поблекшую вдовицу необходимо „критически преодолѣть“, т.-е., „отбросивъ ея внѣшнюю форму, воспользоваться ея внутреннимъ содержаніемъ“—сознательной діалектикой? **).

Къ сожалѣнію, отвѣтъ на эти вопросы не входитъ въ рамки нашей настоящей работы. Теперь намъ важнѣе всего изслѣдовать, *какъ* Марксъ и Энгельсъ обосновываютъ свою діалектическую логику и удалось ли имъ вообще ее спасти.

Въ своей полемикѣ противъ Дюринга Энгельсъ многими примѣрами старается доказать справедливость діалектической логики. Но съ его доказательствами почти та же исторія, что съ доказательствами Гегеля, у котораго они въ большинствѣ случаевъ взяты. „Здравый человѣческій разсудокъ“ не замѣчаетъ въ нихъ никакихъ особенныхъ трудностей, и когда онъ переводитъ на *свой* языкъ примѣры, выставленные противъ него, то подчеркиваемое противорѣчіе совершенно исчезаетъ и діалектическій выводъ остается ничѣмъ не обоснованнымъ. Съ этой стороной дѣла мы ниже познакомимся подробнѣе, а пока мы должны спросить себя: что сталось у Маркса съ тѣми философскими предпосылками, которыя необходимы для діалектическаго мышленія? Не были ли онѣ модифицированы *имъ*, будучи пересаженными на матеріалистическую почву? Не потеряли ли онѣ совсѣмъ возможность служить обоснованіемъ для логики противорѣчій?—Внимательное изученіе философскихъ взглядовъ марксизма приводитъ, какъ намъ кажется, къ тому интересному и важному выводу, что у Маркса не достаетъ многихъ философскихъ предпосылокъ, благодаря которымъ появленіе діалектики еще было понятно, и что, взамѣнъ этого, имъ вос-

---

*) „Sie ist und bleibt ein altes Weib, die verwelkte und verwittwete Hegel'sche Philosophie, die ihren zur wiederliechsten Abstraktion ausgedörrten Leib schminkt und ausputzt und in ganz Deutschland nach einem Freier umherschielt“. ib. S. 16.

**) Cp. Anti-Dühring, S. XIV.

приняты другія философскія воззрѣнія, которыя дѣлаютъ діалектическую логику не только излишней и бездоказательной, но врядъ ли даже и возможной, не смотря на то, что въ его воззрѣніяхъ восприняты многія изъ тѣхъ предпосылокъ, о которыхъ мы говорили выше. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ судьбу этихъ предпосылокъ на почвѣ марксизма.

Прежде всего отмѣтимъ, что теоретико-познавательный дуализмъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, перенесенъ въ свою систему и Марксомъ. И Марксъ различаетъ два типа мышленія—„метафизическій“ или, вѣрнѣе, формально логическій и діалектическій. Вотъ какъ Энгельсъ характеризуетъ отличительныя черты „метафизическаго“ типа мышленія. „Для метафизика вещи и ихъ отпечатки въ мышленіи—понятія представляютъ собою разрозненные, прочные, неподвижные, разъ на всегда данные предметы изслѣдованія, которые должны быть разсматриваемы одинъ послѣ другого и независимо отъ другого. Онъ мыслитъ непосредственными противоположеніями. Его рѣчь состоитъ изъ да-да, нѣтъ-нѣтъ, а что сверхъ того, то отъ лукаваго. Для него вещь существуетъ или не существуетъ. Для него предметъ не можетъ быть самимъ собою и въ то же время чѣмъ-нибудь другимъ. Положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга. Причина и слѣдствіе такъ же совершенно противоположны другъ другу. Этотъ образъ мышленія, прибавляетъ Энгельсъ, кажется намъ, на первый взглядъ, потому чрезвычайно вѣроятнымъ, что онъ представляетъ собою образъ мышленія такъ называемаго здраваго человѣческаго разсудка. Однако, этотъ здравый человѣческій разсудокъ, какимъ бы респектабельнымъ малымъ онъ ни былъ въ домашней области своихъ четырехъ стѣнъ, переживаетъ совершенно изумительныя приключенія, какъ только пускается въ широкій свѣтъ изслѣдованія, и метафизическій образъ мышленія, въ какихъ бы обширныхъ областяхъ, смотря по природѣ предмета, ни былъ законенъ и даже необходимъ, всегда долженъ, раньше или позже, натолкнуться на предѣлъ, по ту сторону котораго онъ впадаетъ въ односторонность, ограниченность, абстрактность и теряется въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, такъ какъ онъ изъ-за отдѣльныхъ вещей не замѣчаетъ ихъ связи, изъ-за бытія не видитъ возникновенія и изчезновенія, и изъ-за покоя забываетъ движеніе, словомъ изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса“. (Anti-Dühring, S. 7). Такъ поступаетъ метафизикъ. Ясно, что діалектикъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ.

Онъ разсматриваетъ вещи только въ ихъ связи sub specie aeterni и мыслитъ исключительно синтезисами. Для него всякая вещь существуетъ и не существуетъ. Его рѣчь состоитъ изъ да — нѣтъ, нѣтъ—да и т. д.

Теоретико-познавательный дуализмъ, лежащій въ основѣ приведенной цитаты изъ Энгельса, играетъ въ системѣ Маркса ту же роль, что и въ другихъ діалектическихъ системахъ. Съ одной стороны онъ дѣлаетъ діалектическій методъ мышленія болѣе или менѣе правдоподобнымъ, а съ другой стороны онъ самъ является необходимымъ слѣдствіемъ отрицанія трехъ главныхъ законовъ логики.

Ибо вся эта характеристика метафизическаго метода мышленія есть въ сущности не что иное, какъ краткая и красивая передача того, что выставлялось Гегелемъ противъ *закона тождества*, рѣчь котораго есть „да—да“, „нѣтъ—нѣтъ“, *закона противорѣчія*, для котораго вещь существуетъ или не существуетъ, и *закона исключеннаго третьяго*, по которому положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга.

Правда, приведенная характеристика не ограничивается косвеннымъ восхваленіемъ діалектической логики, но прихватываетъ еще и теорію развитія, такъ что на первый взглядъ можетъ показаться, что она страдаетъ нѣкоторой произвольностью конструкціи. Въ самомъ дѣлѣ. Возьмемъ, напримѣръ, такихъ мыслителей, какъ Кантъ, Ламаркъ, Дарвинъ, Спенсеръ, Геккель и т. д. По характеристикѣ Энгельса, мы должны назвать ихъ метафизиками. Ибо по скольку они признаютъ законъ тождества, по стольку ихъ рѣчь состоитъ изъ да—да, нѣтъ—нѣтъ. По скольку они признаютъ законъ противорѣчія, по стольку для нихъ вещь либо существуетъ, либо не существуетъ. А по скольку они принимаютъ законъ исключеннаго третьяго, по стольку для нихъ положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга. И всѣ эти законы они признаютъ, потому что они, какъ и все остальное человѣчество, стоятъ на почвѣ логическаго мышленія. Они, стало быть, метафизики, и однако, никому ни придетъ въ голову обвинять ихъ въ томъ, что они разсматриваютъ „вещи какъ разрозненные, прочные, неподвижные, разъ навсегда данные предметы для изслѣдованія“. Что они этой своей измѣной метафизикѣ не обязаны Гегелю и діалектикѣ, что по части развитія природы Гегель состоялъ гораздо ниже естествоиспытателей своего времени, Энгельсъ прекрасно знаетъ самъ *).

*) Fr. Engels. Anti-Dühring. S. XVI.

Можно, поэтому, спросить себя: зачѣмъ же Энгельсъ сваливаетъ въ одну кучу то, что не находится ни въ какой внутренней связи? Но этотъ вопросъ справедливъ только на первый взглядъ. На самомъ дѣлѣ Энгельсъ увѣренъ, что такая внутренняя связь между діалектической логикой и теоріей развитія существуетъ. Онъ убѣжденъ, что, кто только признаетъ развитіе вообще, долженъ послѣдовательнымъ образомъ дойти до отрицанія верховныхъ законовъ логики. Поэтому онъ на Канта, Дарвина и т. д. въ самомъ дѣлѣ смотрѣлъ бы не какъ на непослѣдовательныхъ „метафизиковъ“, а скорѣе какъ на непослѣдовательныхъ діалектиковъ, которые еще не дошли до сознанія того, что уже *одинъ фактъ* движенія переворачиваетъ вверхъ дномъ всѣ законы логики, такъ какъ рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ закономъ противорѣчія. Такой взглядъ на движеніе и развитіе, какъ и вся діалектическая логика, пересаженъ въ марксизмъ прямо изъ философіи Гегеля, какъ мы это покажемъ ниже. Теперь же, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію другихъ философскихъ предпосылокъ діалектики, необходимо замѣтить, что и по части уступокъ, дѣлаемыхъ Энгельсомъ здравому человѣческому разсудку, онъ нисколько не расходится съ Гегелемъ. И Гегель не отрицалъ за „метафизическимъ“ образомъ мышленія извѣстныхъ правъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ „разсудочное“ мышленіе признавалось имъ даже необходимымъ. „Во всѣхъ областяхъ, говоритъ онъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, разсудокъ не долженъ отсутствовать. Ибо безъ разсудка мы не можемъ придти ни къ чему прочному и опредѣленному“. Въ особенности же это справедливо, по Гегелю, для области практики, такъ какъ „для поступковъ существенно необходимъ характеръ, а человѣкъ характера есть человѣкъ разсудка, который, какъ таковой, имѣетъ опредѣленныя цѣли передъ глазами и преслѣдуетъ ихъ неуклонно“ *). Стало быть, и по Гегелю „домашнія четыре стѣны“ разсудка довольно таки обширны. Отсюда, между прочимъ, видно, какъ не правъ былъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ, когда онъ отъ діалектиковъ требовалъ, чтобы они и въ области практики придерживались излюбленныхъ пріемовъ мышленія. „Если діалектикъ, говоритъ онъ, желаетъ пойти по тонкому льду или по тонкой перекладинѣ и соображаетъ о томъ, выдержитъ ли ледъ или перекладина его тяжесть

*) Frantz und Hillert. Hegel's Philosophie in wörtlichen Auszügen. Berlin. (1843) S. 30.

или нѣтъ, останутся ли онѣ цѣлы или провалятся, развѣ онъ дѣйствительно отвѣтитъ себѣ діалектическимъ синтезисомъ этой альтернативы? Не вѣрнѣе ли, что онъ скажетъ себѣ, внутренно думая по презрительному закону противорѣчія: „держать не значитъ провалиться, провалиться не значитъ держать. Будетъ держать, пойду, нѣтъ,—останусь.“ Изъ этого Гартманъ дѣлаетъ заключеніе, что „діалектикъ не можетъ жить. Онъ долженъ въ первый же день сломать себѣ шею и ноги, если только онъ не перестанетъ быть діалектикомъ и не будетъ устраиваться на практикѣ сообразно тому, что онъ отрицаетъ въ теоріи“ *)

Доводъ Гартмана противъ діалектики *въ данномъ* случаѣ не попадаетъ въ цѣль именно потому, что діалектикъ, который замѣнилъ разсудочную формулу „либо—либо“ діалектической формулой „не только, но и“, остается вѣренъ себѣ и въ этомъ случаѣ: онъ „не только“ діалектикъ, „но и“—не діалектикъ,—послѣднее въ области практики. А это еще болѣе показываетъ, что послѣдовательный теоретико-познательный *дуализмъ*, обязательно ведущій къ той или другой „двойной бухгалтеріи“, не отъемлемъ отъ діалектики..

Рука объ руку съ теоретико-познавательнымъ дуализмомъ, у Маркса, какъ и у всѣхъ діалектиковъ, идетъ натуръ-философскій монизмъ, съ той только разницей, что онъ единство міра усматриваетъ въ его матеріальности, а не въ какой либо духовной или сверхъ матеріальной субстанціи **). Но эта разница далеко не безразлична для философскаго обоснованія діалектической логики. Не смотря на то, что монизмъ, какъ мы видѣли, можетъ служить лучшимъ предрасположеніемъ къ отрицанію закона противорѣчія, *матеріалистическій* монизмъ, однако, представляетъ собою далеко не такую благопріятную для діалектической логики почву, какъ монизмъ идеалистическій. И это, главнымъ образомъ, потому, что многія изъ интересующихъ насъ философскихъ предпосылокъ теряютъ на почвѣ матеріализма свою доказательность, либо же должны получить такой смыслъ, который плохо вяжется съ діалектическимъ мышленіемъ.

Разсмотримъ сперва ученіе о познаваемости сущности вещей, которое является первымъ условіемъ для обоснованія того взгляда, что эта сущность полна внутреннихъ противорѣчій. Не трудно за-

*) Hartmann, l. c. S. 92.
**) „Die Einheit der Welt besteht in ihrer Materialität“. Engels, AD. S. 31.

мѣтить, что ученіе о тождествѣ бытія и мышленія является гораздо менѣе обоснованнымъ на почвѣ матеріалистическаго монизма, чѣмъ на почвѣ монизма идеалистическаго. Что человѣческій *духъ* можетъ проникнуть въ тайны тѣсно связаннаго съ нимъ *міроваго духа*, идеалисту должно казаться яснымъ, какъ божій день. Но врядъ ли столь же яснымъ должно показаться *матеріалисту*, чтобы человѣческій *мозгъ*, какъ часть матеріи, обязательно долженъ былъ бы знать, что происходитъ въ другихъ частяхъ міровой матеріи. Правда, Энгельсъ переноситъ, уже знакомое намъ, разсужденіе Гегеля о познаваемости „безконечнаго“ въ свою матеріалистическую философію и говоритъ, что, если мышленіе и сознаніе „суть продукты человѣческаго мозга“, а самъ человѣкъ—„не болѣе какъ продуктъ природы, развивающійся вмѣстѣ со своей средой“, то тогда „само собой разумѣется, что произведенія человѣческаго мозга, которыя въ послѣдней инстанціи, вѣдь, тоже продукты природы, не противорѣчатъ, а соотвѣствуютъ другимъ ея явленіямъ“ (AD. 22). Но тутъ, очевидно, все дѣло въ томъ, что̀ называть соотвѣтствіемъ. И цилиндрическое зеркало, напримѣръ, представляетъ собою „продуктъ природы“, быть можетъ, еще въ болѣе „естественномъ“ смыслѣ, чѣмъ сознаніе и мышленіе, а все таки предметы, отражаясь въ немъ, до того искажаются, что если и въ нашемъ мозгу они являются въ такомъ же искаженномъ видѣ, то о соотвѣтствіи между мышленіемъ и бытіемъ врядъ ли еще можетъ быть рѣчь.

Такъ же мало выдерживаетъ критику и другой доводъ Энгельса противъ тѣхъ „капризовъ“ критицизма и родственныхъ философскихъ теченій, которые „оспариваютъ возможность познанія или, по крайней мѣрѣ, исчерпывающаго познанія міра“. Главное возраженіе противъ всѣхъ этихъ „капризовъ“ Энгельсъ видитъ въ практической дѣятельности человѣка, въ экспериментальномъ опытѣ и промышленности. „Когда мы можемъ доказать—говоритъ онъ—вѣрность нашего пониманія какого-либо естественнаго явленія тѣмъ, что мы его сами дѣлаемъ, что мы возсоздаемъ его изъ его условій и заставляемъ служить нашимъ цѣлямъ, то тогда Кантовской „вещи въ себѣ“ долженъ наступить конецъ *)“.

Энгельсъ, очевидно, забываетъ, что для послѣдовательнаго субъективиста въ теоріи познанія наши практическіе поступки и ихъ успѣхъ составляютъ такія же точно *представленія*, какъ и другія

*) Fr. Engels. Ludwig Feuerbach. (1888). S. 18.

проявленія нашей жизни, проявленія, доказательность которыхъ была сведена къ нулю уже Декартомъ въ его возраженіяхъ противъ Гассенди. Для тѣхъ же, кто отрицаетъ возможность *полнаго* познанія міра, ссылка на практику недостаточно убѣдительна. Чтобы практически воспользоваться какой-нибудь вещью, или даже создать эту вещь, вовсе не обязательно знать *всѣ* ея свойства. Достаточно, если намъ извѣстны отношенія нѣкоторыхъ ея свойствъ къ свойствамъ другихъ вещей, чтобы практически можно было воспользоваться ею для нашихъ цѣлей,—если только практическое господство надъ даннымъ предметомъ или явленіемъ вообще доступно намъ. Хорошая хозяйка, напримѣръ, можетъ употреблять бѣлокъ для приготовленія превосходнѣйшихъ пудлинговъ и все-таки не имѣть никакого понятія о замѣчательныхъ свойствахъ этого химическаго тѣла. Точно также для нея не составитъ никакихъ трудностей создать, напр., яйца „изъ ихъ естественныхъ условій". Для этого она должна только купить на рынкѣ эти „условія" въ видѣ пѣтуха и курицы. Пусть простятъ мнѣ этотъ нѣсколько грубый, но вполнѣ подходящій примѣръ. Развѣ ссылка на возможность создать химическимъ путемъ какое-либо сложное тѣло имѣетъ большее теоретико-познавательное значеніе, чѣмъ ссылка на пѣтуха и курицу? Вѣдь сущность химическаго сродства намъ такъ же мало понятна, какъ и сущность сложнѣйшихъ проявленій жизни. Наконецъ, практическое господство надъ сложнѣйшими явленіями природы не рѣдко и въ животномъ мірѣ. Нѣкоторые муравьи, напримѣръ, „собираютъ яйца травяныхъ вшей, складываютъ ихъ въ особыя камеры и заботливо слѣдятъ за вылупливаньемъ молодыхъ насѣкомыхъ". Но развѣ кому-нибудь придетъ въ голову вывести отсюда заключеніе, что муравьи обладаютъ „исчерпывающимъ знаніемъ тѣхъ біологическихъ явленій, которыя они заставляютъ служить своимъ цѣлямъ?"

Какую бы роль практика ни играла въ теоріи познанія, ясно одно, что для доказательства тождества мышленія и бытія она является мало надежной опорой, и еще менѣе можетъ она служить въ качествѣ философской предпосылки для діалектической логики, просто уже по одному тому, что даже, по свидѣтельству самихъ діалектиковъ, какъ мы видѣли, практика антидіалектична. И если Гартманъ не имѣлъ права оспаривать, на основаніи практики, *возможности* діалектическаго метода мышленія, то, во всякомъ случаѣ было бы еще болѣе страннымъ прямо или косвенно пользоваться ею для доказательства *необходимости* діалектики.

Такимъ образомъ, тождество бытія и мышленія является на почвѣ матеріалистическаго монизма далеко не доказаннымъ. А если это такъ, то и самъ этотъ матеріалистическій монизмъ можетъ имѣть лишь крайне гипотетическое значеніе. И если мы даже временно согласимся съ Гегелемъ и Энгельсомъ, что Кантовы „антиноміи" не только проявляются въ нашемъ разумѣ въ опредѣленныхъ случаяхъ, но присущи каждому акту нашего мышленія *), то и тогда мы не имѣемъ права умозаключать отъ противорѣчій, будто бы свойственныхъ нашему *мышленію*, къ господству противорѣчій въ самой природѣ. Ясно, стало быть, что матеріалистическая модификація ученій о монизмѣ и познаваемости міра дѣлаетъ ихъ плохими помощниками въ дѣлѣ философскаго обоснованія діалектической логики.

Но въ еще большей степени это справедливо для тѣхъ измѣненій, которымъ должно было подвергнуться въ марксистской философіи гегелевское ученіе о понятіи, лишь только Марксъ вмѣстѣ съ Фейербахомъ сталъ признавать, что „духъ" является „продуктомъ матеріи".**)

Въ самомъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Фейербахъ уничтожилъ діалектику понятій, для самого Маркса должно было сдѣлаться яснымъ, что понятія не составляютъ какой-либо метафизической субстанціи, существовавшей раньше явленій внѣ времени и пространства. Онъ долженъ былъ согласиться съ Фейербахомъ, что „мышленіе надо объяснить изъ бытія, а не бытіе изъ мышленія" ***), принципъ, который, какъ извѣстно, игралъ выдающуюся роль и въ марксистской философіи исторіи. ****)

Марксъ подъ понятіемъ сталъ разумѣть не какое-то мистическое зерно, которое заключаетъ въ себѣ всѣ вещи и явленія, но лишь „болѣе или менѣе абстрактный отпечатокъ дѣйствительныхъ вещей". Но понятіе, какъ плодъ абстрагирующей дѣятельности ума, имѣетъ совершенно другое значеніе для философскаго обоснованія діалектической логики, чѣмъ понятіе—субстанція; или, вѣрнѣе,—оно никакого значенія не имѣетъ, потому что заключаетъ въ себѣ не *всю* совокупность конкретныхъ вещей и ихъ конкретныхъ свойствъ, а только нѣкоторые ихъ признаки. Понятно, что при такомъ значеніи оно вовсе не должно заключать въ себѣ какія-

*) Ср. Engels Anti-Dühring S. 38.
**) Ср. Fr. Engels. Ludwig Feuerbach. S. 12—13. u. 21.
***) Das Denken ist aus dem Sein, nicht das Sein aus dem Denken zu erklären. L. Feuerbach. Werke Bd. II, (1846) S. 263.
****) Ср. K. Marx. Zur Kritik der politischen Oekonomie (1859) S. IV.

либо внутреннія противорѣчія. У Гегеля, напримѣръ, понятіе: „теперь“ *должно* реализоваться то въ видѣ „дня“, то въ видѣ „ночи“, потому что день и ночь составляютъ противорѣчивые моменты, имманентнымъ образомъ присущіе понятію „теперь“. Но почему и марксистскія „понятія“, которыя являются только абстракціей, все-таки должны нести въ себѣ духъ отрицанія, не позволяющій имъ пользоваться болѣе покойнымъ существованіемъ, этого съ точки зрѣнія Маркса положительно нельзя понять.

Мы, конечно, не хотимъ сказать этимъ, что понятія должны быть разсматриваемы, какъ „незыблемые, разъ на всегда данные объекты изслѣдованія“. Какъ все въ мірѣ, и понятія имѣютъ свою исторію. Они развиваются во времени и, вмѣстѣ съ временемъ, породившимъ ихъ, постоянно мѣняютъ свое значеніе. Но это является вовсе не слѣдствіемъ внутреннихъ противорѣчій, а, какъ извѣстно, слѣдствіемъ гораздо болѣе естественныхъ причинъ. Когда мѣняются явленія или наши свѣдѣнія о нихъ разростаются въ ширь и глубь, тогда и наши понятія, естественно, должны раньше или позже приспособиться къ новымъ явленіямъ и познаніямъ, уже не говоря о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергается значеніе какого-либо понятія, когда различные люди вкладываютъ въ него различный смыслъ. Но когда дѣло идетъ объ опредѣленномъ понятіи, въ опредѣленномъ его значеніи, то оно дѣйствительно должно остаться незыблимымъ и и быть разъ навсегда даннымъ объектомъ для даннаго изслѣдованія, и „если говоришь объ—А, то и думай объ А, а не о Б“. (Гартманнъ). Мы видимъ, такимъ образомъ, что *марксистскій матеріализмъ вообще не представляетъ собой удобной почвы для діалектики.* Его теорія познанія лишена непреложной убѣдительности. Его ученіе о понятіяхъ лишаетъ ихъ того внутренняго стремленія къ движенію, которое они неизбѣжно должны были имѣть у Гегеля. Наконецъ, его *ученіе о времени и пространствѣ*, какъ увидимъ сейчасъ, *окончательно отнимаетъ у марксистской діалектики всякое подобіе философскаго обоснованія.* Дѣло въ томъ, что, какъ всѣ матеріалисты, и Марксъ признаетъ, что въ природѣ имѣется „чистое“ время и „чистое“ пространство, вполнѣ независимыя отъ предметовъ и явленій, которыми они наполнены.

Время и пространство, говоритъ Энгельсъ, суть основныя формы всякаго бытія и именно потому, что время не зависитъ отъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ немъ, оно можетъ быть измѣряемо. Время, въ которомъ не происходитъ никакихъ

измѣненій, и составляетъ „чистое“, стало быть и „истинное“, время, какъ таковое“. То же самое справедливо и относительно пространства *).

Для того, чтобъ понять роль этого ученія въ дѣлѣ философскаго обоснованія діалектической логики, необходимо обратить вниманіе на то, что эта роль вовсе не такъ проста, какъ это кажется на первый взглядъ. Надо въ самомъ дѣлѣ въ значительной степени примириться съ діалектическимъ способомъ мышленія, чтобы принять это ученіе Маркса, во всей его *до-аристотелевской* невинности. Реальное существованіе абсолютной пустоты („пустое“ пространство) и непрерывное вѣчное теченіе абсолютнаго небытія („чистое“ время), — развѣ это не чистѣйшее воплощеніе вещей, существующихъ и въ то же время не существующихъ? Если хотятъ, поэтому, признать реальность времени и пространства не только какъ эмпирическихъ явленій, но и какъ метафизическихъ сущностей, независимыхъ отъ нашего созерцанія, то необходимо признать и ихъ діалектическій характеръ. Не взирая, однако, на то, діалектическая логика нисколько не можетъ воспользоваться этой условной уступкой, потому что діалектическій характеръ времени и пространства не только не въ состояніи обосновать діалектику предметовъ и явленій, но даже, — наоборотъ, обозначаетъ собой уничтоженіе всякихъ внутренихъ противорѣчій въ явленіяхъ времени пространства. Если отдать время и пространство въ жертву діалектической логикѣ, то мы этой жертвой искупаемъ отъ внутреннихъ противорѣчій всѣ остальныя явленія міра. Это обстоятельство извѣстно было уже Фейербаху, который такъ же, какъ и Марксъ, считалъ время и пространство „существенными условіями“, „формами разума и законами, какъ бытія, такъ и мышленія“, но который воспользовался этимъ тезисомъ, чтобы въ неподражаемо ясномъ анализѣ показать несостоятельность діалектической логики. „Существованіе явленій въ

*) Мы считаемъ не лишнимъ привести всю выписку, на основаніи кото- „Die Grundfor
рой мы изложили взглядъ Энгельса на время и пространство. „Die Grundfor
men alles Seins sind Raum und Zeit, und ein Sein ausser der Zeit ist
ein ebenso grosser Unsinn, wie ein Sein ausserhalb des Raumes... Nach Herrn
Dühring existirt die Zeit nur durch die Veränderung, nicht die Veränderung in
und durch die Zeit. „Eben weil die Zeit von der Veränderung verschieden,
unabhängig ist“, kann man sie durch die Veränderung messen, denn zum Mes-
sen gehört immer ein von dem zu Messendem verschiedenes (?). Und die Zeit,
in der keine erkennbare Veränderungen vorgehen, ist weit entfernt davon,
„keine“ Zeit zu sein; sie ist vielmehr die „reine“, von keinen fremden Beimi-
schungen afficirte also die „wahre“ Zeit, die Zeit „als solche“. Anti-Dühring.
S. 41—42.

пространствѣ, вотъ *истина* логическихъ различій", говоритъ онъ. „Солнце не тамъ, гдѣ Меркурій, Меркурій не тамъ, гдѣ Венера, глазъ не тамъ, гдѣ ухо и т. д." „Различному отводить различное *мѣсто, пространственно* отдѣлять, что качественно различно, — вотъ условіе всякой экономіи, даже умственной". А по отношенію ко времени Фейербахъ говоритъ: „Только время доставляетъ средство, помощью котораго можно въ одномъ и томъ же существѣ такъ объединить противоположныя и противорѣчащія свойства, какъ они бываютъ объединены въ дѣйствительности". (Werke, II 332—335).

Стало быть, просто и ясно: одинъ и тотъ же предметъ не можетъ въ одно и то же время быть имъ самимъ и чѣмъ-нибудь другимъ именно потому, что противоположныя свойства, которыя мы приписываемъ одному какому-нибудь предмету, отдѣлены другъ отъ друга во времени и пространствѣ.

Перечисленіе тѣхъ философскихъ воззрѣній марксизма, которыя имѣютъ положительное или отрицательное значеніе для діалектической логики, было бы не полно, еслибъ мы пропустили доказательство въ пользу логики противорѣчій, которое Энгельсъ черпаетъ изъ исторіи философіи. Онъ не на шутку убѣжденъ, что *всѣ* лучшіе мыслители и философы придерживались „логики противорѣчій", и что вся исторія философіи, особенно начиная съ Канта, стремилась къ тому, чтобы выработать этотъ излюбленный Энгельсомъ образъ мышленія *). Полный разборъ этого довода отъ исторіи тѣсно связанъ съ разборомъ марксистскаго „историзма", лежащаго въ основѣ и марксистской методологіи. Къ сожалѣнію, это выходитъ за предѣлъ нашей настоящей статьи. Теперь мы должны ограничиться только нѣкоторыми замѣчаніями.

Во-первыхъ, греческая философія *не* во всемъ ея объемѣ придерживалась діалектическаго мышленія. Собственно діалектическая логика господствовала лишь въ до-сократовскомъ періодѣ философіи, главнымъ образомъ у Гераклита и софистовъ, значитъ въ такое время, когда философія еще невполнѣ уяснила себѣ основные законы человѣческаго мышленія. Тотъ, кто впервые выставилъ и обосновалъ логическій законъ противорѣчія, доказавъ его абсолютную необходимость для человѣческаго мышленія, былъ ни кто иной, какъ Аристотель, тотъ самый универсальнѣйшій умъ между греческими философами, бывшими поголовно „природными діалектиками", который по увѣре-

*) Ср. Anti-Dühring S. XV—и 5.

нію Энгельса, „изслѣдовалъ существеннѣйшія формы діалектическаго мышленія" *). Да, изслѣдовалъ... чтобъ доказать ихъ шаткость, неосновательность и непригодность.

Во-вторыхъ, возрожденіе діалектики въ классической философіи Германіи и стремленія этой философіи къ діалектикѣ Гегеля абсолютно не можетъ быть доказательствомъ въ пользу вѣрности діалектической логики. Не забудемъ, что германская философія стремилась ко многому такому, чего, право, не стоило добиваться. Напомнимъ, напримѣръ, „абсолютъ" Гегеля.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ни одна изъ философскихъ предпосылокъ, которыя легли въ основаніе гегелевской діалектики, не могутъ на почвѣ матеріализма a priori обосновать діалектическую логику Маркса.

Перейдемъ, поэтому, къ анализу двухъ другихъ путей, помощью которыхъ возможно обосновать вѣрность діалектической логики: во первыхъ, къ разсмотрѣнію критики „метафизическаго" метода мышленія и, во-вторыхъ, къ разбору тѣхъ фактовъ, которыми Энгельсъ иллюстрируетъ и подкрѣпляетъ свои основоположенія.

IV.

Критика формальной логики у Гегеля и Маркса.

Выше мы замѣтили, что характеристика „метафизическаго" мышленія, данная Энгельсомъ, содержитъ въ сущности осмѣиванье трехъ высшихъ законовъ логики. Къ сожалѣнію, Энгельсъ нигдѣ не вдается въ болѣе глубокій анализъ этихъ законовъ, чтобы свое отрицательное отношеніе къ нимъ не только выяснить на отдѣльныхъ примѣрахъ, но и доказать на основаніи общей ихъ критики. Онъ, вѣроятно, былъ увѣренъ въ ненужности такой работы послѣ того, какъ Гегель посвятилъ столько труда на ея выполненіе. Во всякомъ случаѣ, Энгельсъ обходится съ этимъ вопросомъ, какъ съ чѣмъ-то давнымъ давно рѣшеннымъ и, притомъ, рѣшеннымъ въ пользу діалектики. Къ самой діалектической логикѣ онъ относится, какъ къ ученію, общепринятому въ философской мысли, противъ котораго могутъ возставать лишь такіе „чудаки", какъ „отсталый" Дюрингъ.

*) AD S. 5.

Само собою разумѣется, что такое отношеніе къ дѣлу далеко не оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Діалектическая логика давнымъ давно изгнана изъ современной философской мысли. Кромѣ Маркса, Энгельса и двухъ-трехъ изъ ихъ когда-то многочисленныхъ послѣдователей, въ діалектическую логику вѣрятъ еще только такіе, по истинѣ, отсталые, замаринованные „философы", какъ члены „философскаго общества" въ Берлинѣ, да, пожалуй, еще такіе одиноко стоящія и далеко не презентабельныя фигуры, какъ Банзенъ, авторъ двухъ томнаго сочиненія: „Der Widerspruch im Wissen und Wesen der Welt", который, очевидно, тоже „спасъ" и куда-то „перенесъ" гегелевскую діалектику *). Ссылаться на современную мысль въ *этомъ* вопросѣ марксисты, слѣдовательно, имѣютъ еще меньше права, чѣмъ по какимъ бы то ни было другимъ вопросамъ, если они только не хотятъ пріурочить терминъ „современная мысль" исключительно къ работамъ Маркса и Энгельса. Но и въ такомъ случаѣ, эта ссылка означала бы лишь косвенную ссылку на Гегеля. Для того, стало быть, чтобы познакомиться съ этой критикой „здраваго разсудка", намъ необходимо обратиться къ самому ея источнику, къ гегелевской „Логикѣ". Мы при этомъ ограничимся разборомъ лишь тѣхъ доводовъ, которые были выставлены ея авторомъ прямо противъ трехъ высшихъ законовъ формально-логическаго мышленія, и намѣреваемся показать, что *они въ значительной степени возможны только на почвѣ гегелевскаго идеализма и теряютъ всякій смыслъ на почвѣ современныхъ воззрѣній, не исключая и марксизма.*

Начнемъ съ критики перваго закона логики, такъ называемаго закона тождества, который гласитъ, что вещь равняется самой себѣ, или что А=А. Вся гегелевская критика этого закона, поскольку она вообще заслуживаетъ разбора, сводится къ слѣдующимъ двумъ основнымъ пунктамъ.

Во-первыхъ, Гегель сомнѣвается во *всеобщности* этого закона. Никто никогда не можетъ доказать, чтобы *всѣ* люди обязательно находили этотъ законъ справедливымъ. Ссылка на опытъ людской означаетъ въ данномъ случаѣ, по мнѣнію Гегеля, лишь то, что ссылаются на индивидуальный опытъ каждаго, увѣряя, что «если кому нибудь скажутъ А есть А, дерево есть дерево, то всякій непосредственно согласится съ этимъ». Но это вѣдь далеко не значитъ, чтобы «опытъ съ абстрактнымъ предложеніемъ—А равняется А—продѣлывался надъ каждымъ сознаніемъ». Стало быть убѣжденіе во всеобщности закона тождества основано только „на увѣреніи, что если бы сдѣлали такой опытъ, то въ результатѣ получилось бы его общее признаніе" (Logik т. II, 34). Весь этотъ доводъ Гегеля основанъ, по нашему мнѣнію, на сознательномъ или безсознательномъ смѣшеніи понятій. Въ своемъ изложеніи взглядовъ противника онъ говоритъ объ эмпирическихъ предложеніяхъ тождества, въ родѣ того, что дерево есть дерево, Богъ есть Богъ, а въ своихъ возраженіяхъ говоритъ уже только объ *абстрактной* формулѣ этихъ предложеній: А равняется А. Но это громадная разница. Если бы надъ каждымъ человѣкомъ захотѣли продѣлать опытъ съ абстрактной формулой закона тождества, то можно бы было заранѣе предсказать его полнѣйшую неудачу. Среди мало образованныхъ или малолѣтнихъ, не привыкшихъ къ абстрактному мышленію, найдется очень много такихъ, которыхъ этотъ законъ, несомнѣнно, приведетъ въ тупикъ, а между тѣмъ каждый изъ нихъ нисколько не будетъ сомнѣваться въ томъ, что дерево есть дерево, городъ есть городъ и т. д. Уже Локкъ вѣрно замѣтилъ о законѣ противорѣчія, что дѣти доходятъ до сознанія, что „горькое не есть сладкое" прежде, чѣмъ они въ состояніи понять общую формулу закона противорѣчія: „А не есть non А". Законъ же тождества и есть не что иное, какъ абстрактная формула эмпирическихъ выраженій тождества, съ которыми онъ вполнѣ совпадаетъ. И если никто не сомнѣвается, что городъ есть городъ и т. д., то никто и не можетъ сомнѣваться въ томъ, что А есть А. Понятно, что подобнаго рода опытъ съ эмпирическими выраженіями тождества еще не сдѣланъ, а посему и всеобщность закона тождества и теперь еще остается само собою разумѣющимся „увѣреніемъ". Но что это увѣреніе не лишено основанія, Гегель могъ бы заключить изъ одного того, что *всѣ* люди, одаренные сознаніемъ, такъ или иначе проявляютъ себя въ практической дѣятельности, а практика, какъ самъ Гегель признавалъ, основана на „разсудочныхъ" формахъ мышленія, между прочимъ, и на законѣ тождества. И, вообще, практика есть лучшее доказательство, что мы мыслимъ логически, а не діалектически.

Второй доводъ Гегеля противъ интересующаго насъ закона состоитъ въ томъ, что этотъ законъ „въ своемъ положительномъ

*) О Банзенѣ см. Hartmann, „Philosophische Fragen der Gegenwart" (1885), главу „Die Realdialektik".

выраженіи“: А равняется А, есть не болѣе, какъ выраженіе пустой тавталогіи. Поэтому,—говоритъ онъ,—вполнѣ справедливо замѣтили, что этотъ законъ мышленія лишенъ всякаго содержанія и не ведетъ къ дальнѣйшимъ результатамъ (Logik, II, 32).

Этотъ доводъ самъ по себѣ совершенно справедливъ, и напоминаніе о немъ нисколько не было излишне во времена Гегеля, когда вѣра въ формальную логику, какъ въ *источникъ познанія*, не смотря на изслѣдованія Канта, далеко еще не перевелась. Но справедливость этого довода нисколько не поражаетъ вѣрности самаго логическаго закона. На самомъ дѣлѣ не надо забывать, что формула: „А равняется А“, какъ и всякіе логическіе законы вообще, не служитъ *указателемъ пути* на поприщѣ научнаго изслѣдованія, но представляетъ собою, если можно такъ выразиться, лишь предостерегающую надпись. Эта предостерегающая надпись указываетъ намъ тѣ границы, преступленіе которыхъ дѣлается гибельнымъ для результатовъ мышленія. А что эта надпись не излишняя, доказываетъ примѣръ германской философіи, которая нашла свой плачевный конецъ, именно, по ту сторону границъ формальной логики. Теперь, когда мы знаемъ эту плачевную участь германской философіи, мы могли бы къ этой надписи прибавить: „здѣсь обрушилась въ пропасть самая глубокомысленная изъ всѣхъ философій“.

Другіе доводы Гегеля, приводимые имъ для оспариванія закона тождества, составляютъ либо чистѣйшую софистику *), либо чистыя увѣренія, которыя могутъ имѣть смыслъ на почвѣ гегелевской философіи **), или же, наконецъ, состоятъ изъ ироніи и насмѣшекъ, которыя, какъ всякая приправа, хороши только тогда, когда связаны съ какой-либо „pièce de résistance“.

А между тѣмъ, многіе изъ этихъ софизмовъ были восприняты и Марксомъ, особенно въ его ученіи о стоимости, гдѣ, напримѣръ, его анализъ формулы: „20 аршинъ полотна=20 аршинамъ полотна“ и противорѣчія, находимыя имъ въ ней, сильно смахиваютъ на гегелевскій анализъ формулы А=А. Мы, однако, не считаемъ нужнымъ остановиться на разборѣ этой абстрактной діалектики

---

*) Какъ. напр., доказательство, что законъ тождества *содержитъ въ самомъ себѣ противорѣчіе*, ибо тождество различается отъ *различія*, стало быть, оно имѣетъ это различіе въ самомъ себѣ и, стало быть, состоитъ изъ тождества и различія въ одно и то же время, и т. д.

**) Какъ, напр., тотъ доводъ, что всякая опредѣленность есть переходъ къ противоположности.

Маркса, потому, что сами не увѣрены, дѣйствительно ли Марксъ серьезно относился ко всѣмъ этимъ діалектическимъ кунштюкамъ или онъ просто сознательно „кокетничалъ“ гегелевскими пріемами изложенія, какъ онъ кокетничалъ гегелевской терминологіей. Во всякомъ случаѣ, не трудно бы было и на примѣрѣ изъ Маркса показать, что діалектическая критика закона тождества, въ свою очередь, не выдерживаетъ критики, такъ какъ она почти вся основана на томъ положеніи, что простое различіе слѣдуетъ считать уже противорѣчіемъ,—положеніе, которое вполнѣ умѣстно съ точки зрѣнія гегелевскаго ученія о понятіи, но которое превращается въ полнѣйшій софизмъ, чуть только мы, вмѣстѣ съ Марксомъ, откажемся отъ этого ученія.

Критика двухъ остальныхъ законовъ логики,—закона противорѣчія и закона исключеннаго третьяго—такъ же мало обоснована у Гегеля, какъ и его критика закона тождества. Результатъ, къ которому онъ приходитъ въ ней, можетъ быть формулированъ слѣдующими его словами: „равенство есть въ одно и то же время и равенство, и неравенство; неравенство въ одно и то же время и неравенство, и равенство“ (Logik II, 42).

Тонко сплетенные софизмы, помощью которыхъ Гегель дошелъ до такого результата, вполнѣ распутаны Гартманомъ и сводятся, главнымъ образомъ, къ тому простому „открытію“, что каждое изъ этихъ понятій, во-первыхъ, *равно* самому себѣ и, во-вторыхъ, *отличается* отъ своей противоположности, слѣдовательно, оно равно и не равно въ одно и то же время. Но что Гартманъ не замѣтилъ, такъ это то, что Гегель самъ хорошо знаетъ, что могла бы возразить на это открытіе „самоотчужденная рефлексія“. „Самоотчужденная рефлексія“ избѣгаетъ путь гегелевской софистики простымъ замѣчаніемъ, что „*по скольку* они равны другъ другу, по стольку они не могутъ быть *не* равны“. (Ib.) Но—по Гегелю—всѣ эти „по стольку-по скольку“, „съ одной и съ другой стороны“, и „принимая во вниманіе“ (Insofern,Seiten und Rücksichten) не достойны глубокого мыслителя. Понятно, что, отбросивъ эти „Insofern, Seiten und Rücksichten“, мы должны придти къ заключенію, что „если два предмета не *вполнѣ* равны другъ другу, то они въ одно и то же время и равны, и неравны; равны уже въ томъ, что они предметы и *вообще два*,—вѣдь каждый изъ нихъ есть предметъ и каждый составляетъ единицу, слѣдовательно, каждый есть то же, что и другой,—не равны же они по предположенію“ (Logik II, 46). Но въ томъ то и дѣло—скажемъ мы по адресу марксизма—

что отбрасывать эти „по стольку“, „по скольку“ и т. д. возможно только на почвѣ гегелевскаго ученія о понятіяхъ. Если придерживаться, подобно Гегелю, убѣжденія, что „равенство“ и „неравенство“ составляютъ два момента одного и того же понятія—„различія“;—два момента, которые должны „проникнуться другъ другомъ“ для того, чтобы быть въ состояніи находиться въ одномъ и томъ же понятіи,—тогда, конечно, всѣ эти „принимая во вниманіе“ не имѣютъ никакого значенія. Но по какому праву Марксъ не обращаетъ на нихъ вниманія, не только нигдѣ не объяснено, но даже трудно объяснимо съ точки зрѣнія его ученія о понятіяхъ. Вѣдь понятіе составляетъ, по Марксу, только болѣе или менѣе абстрактную копію съ дѣйствительныхъ вещей. Какъ абстракція, оно лишь по *стольку* истинно, по *скольку* абстрагируетъ отъ всѣхъ другихъ свойствъ предметовъ и подчеркиваетъ ихъ общіе признаки. Дворецъ и хижина, несомнѣнно, имѣютъ много общихъ признаковъ, по которымъ ихъ можно отнести къ одному и тому же понятію, но ихъ равенство есть все-таки абстракція, которая имѣетъ силу лишь *по стольку*, *по скольку* абстрагируютъ отъ ихъ разницы. И критикъ „абстрактнаго равенства“ въ общественной жизни всего менѣе долженъ былъ попасться на эту удочку гегелевской софистики.

„Положительное и отрицательное исключаютъ другъ друга!“—иронизируетъ Энгельсъ надъ закономъ исключеннаго третьяго. И опять-таки, легко понять, почему, съ точки зрѣнія гегелевской логики, такая мысль должна показаться смѣшной. „Положительное“ и „отрицательное“ составляютъ вѣдь, по Гегелю, прежде всего два момента одного и того же понятія—„противоположенія“. Какъ моменты понятія, они должны „проникнуться другъ другомъ“ и т. д. Стало быть, если разсудокъ разъединяетъ эти два момента, то онъ показываетъ (думаетъ Гегель) только свое безсиліе овладѣть „умозрительнымъ“ значеніемъ понятія. Но вѣдь то Гегель, а то—Марксъ. Что дозволительно *идеалисту* Гегелю, то не дозволительно *матеріалисту* Марксу. И тѣмъ не менѣе, гегелевская критика этого третьяго закона логики кажется Энгельсу особенно важной, и, главнымъ образомъ, критика той „тривіальности“ (Plattheit) нашего разсудка, по которой мы разсматриваемъ положеніе и отрицаніе, какъ два различныхъ, вѣрнѣе—противоположныхъ *направленія* одного и того же явленія *). Посмотримъ, какъ Гегель критикуетъ эту „тривіальность“.

*) AD., S. 122. Мѣсто это мы приводимъ въ слѣдующей главѣ.

„Часъ пути по направленію къ востоку и столько же часовъ по обратному направленію къ западу уничтожаютъ первый путь“, точно такъ же, какъ минусъ A и плюсъ A равны нулю. Но такъ дѣло кажется только разсудку. Съ точки же зрѣнія діалектики, „путь, пройденный по направленію къ востоку и обратно къ западу, представляетъ сумму двойного усилія или сумму двухъ періодовъ времени“. А посему эти два пути не равняются нулю, но составляютъ два „часа“ пути, точно такъ же, какъ изъ минусъ A и плюсъ A діалектически въ результатѣ получается не нуль, а два A (Logik, II, 53—54).

Такова въ краткихъ словахъ мысль Гегеля, и лучшій отвѣтъ на нее, это—развивать ее далѣе. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, ограничиваться только однимъ единымъ отрицаніемъ проложеннаго пути? Вѣдь эту процедуру можно продѣлать безчисленное множество разъ, такъ что діалектикъ, который въ самомъ дѣлѣ вздумалъ бы продѣлать ее, могъ бы до смерти измучиться и все-таки не подвинуться ни на шагъ впередъ. За то онъ могъ бы утѣшиться тѣмъ, что въ результатѣ получаются все большія и большія „суммы времени“. Вѣдь ему, какъ діалектику, не надо обращать вниманія на „направленіе“, и когда говорятъ о размѣрахъ пути отъ какой-либо точки по одному опредѣленному направленію, то ему вполнѣ позволительно превратить вопросъ о пространствѣ въ вопросъ о времени и думать лишь о томъ положительномъ количествѣ времени, которое можно „получить“ при отрицаніи уже разъ пройденнаго пути... Невольно вспоминаются при этомъ слѣдующія слова Энгельса, сказанныя имъ при менѣе подходящемъ случаѣ: „при отрицаніи отрицанія, которое состоитъ въ дѣтскомъ занятіи попемѣнно ставить A и обратно вычеркивать его, ничего другого не можетъ выйти, кромѣ безразсудства того, который продѣлываетъ такую скучную процедуру“ (AD, 145). И такого-то рода почти всѣ разсужденія Гегеля, направленныя противъ закона исключеннаго третьяго.

Перейдемъ, наконецъ, къ гегелевской критикѣ закона противорѣчія.

Если „тождество“, „разница“ и „противоположеніе“ являются лишь „опредѣленіями рефлексіи“, то они, благодаря своей внутренней діалектикѣ, переходятъ въ „истину“, въ „противорѣчіе“, законъ котораго долженъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: „всѣ вещи противорѣчатъ самимъ себѣ“. Въ обоснованіе этой своей формулы Гегель говоритъ: „одинъ изъ основныхъ предразсудковъ

всей господствовавшей до сихъ поръ логики, какъ и обыкновеннаго представленія, заключается въ томъ убѣжденіи, что противорѣчіе не составляетъ такого же существеннаго и имманентнаго свойства („Bestimmung"), какъ тождество... Утверждаютъ, что не можетъ быть ничего противорѣчащаго самому себѣ". Однако, „что касается этого утвержденія, будто внутренняго противорѣчія въ природѣ нѣтъ, то мы подобными увѣреніями не должны смущаться: *абсолютное опредѣленіе обязательно должно находиться во всякомъ опытѣ, во всемъ дѣйствительномъ, какъ и въ каждомъ понятіи*" *).

Изъ этой выписки ясно видно, что отрицаніе закона противорѣчія обосновывается Гегелемъ такими аргументами, которые могутъ имѣть силу лишь въ предѣлахъ его собственной философіи. *Если* противорѣчіе дѣйствительно составляетъ „абсолютное опредѣленіе" „сущности" вещей и *если* все, что относится къ понятіямъ сущности, обязательно должно находиться во всякой дѣйствительности и во всякомъ опытѣ, то понятно, что противорѣчіе должно быть присуще каждому предмету. Но если стать на вѣрную точку зрѣнія Маркса, что понятія *не* составляютъ „абсолютныхъ опредѣленій сущности", что они только абстракціи отъ единичныхъ явленій, то подобнаго рода апріорное обоснованіе „имманентнаго" противорѣчія, во всякомъ случаѣ, недостаточно, и сторонникамъ матеріалистической діалектики ничего не остается, какъ, на основаніи эмпирическаго изученія дѣйствительности, показать, что противорѣчія, дѣйствительно, находятся въ реальныхъ явленіяхъ. Какъ извѣстно, Энгельсъ въ своей полемикѣ противъ Дюринга пытался доставить такое доказательство, и мы должны, обратиться къ разбору приводимыхъ имъ реальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ будто бы о справедливости діалектической логики. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому, необходимо, хотя бы въ краткихъ чертахъ, коснуться и вопроса о причинѣ и слѣдствіи, вопроса, выдвинутаго Энгельсомъ, какъ одного изъ пунктовъ разногласія между „діалектиками" и „метафизиками". Само собою разумѣется, что мы при этомъ оставимъ въ сторонѣ всю теоретико-познавательную и метафизическую сторону проблемы и ограничимся исключительно ея формально-логической стороной.

„При ближайшемъ разсмотрѣніи, — говоритъ Энгельсъ,—мы находимъ, что причина и слѣдствіе постоянно мѣняютъ свои мѣста", и

*) Logik, II 68.

то, что здѣсь или теперь было слѣдствіемъ, сдѣлается тамъ или тогда причиной и наоборотъ (AD., 8). Можно подумать, что въ основѣ этого утвержденія Энгельса лежитъ несомнѣнно вѣрная мысль, что не можетъ быть въ природѣ и въ исторіи такихъ явленій, которыя повсюду и при всякихъ обстоятельствахъ играли бы исключительно роль причины или же исключительно роль слѣдствія. Болѣе того, это утвержденіе, на первый взглядъ, можетъ показаться даже антидіалектичнымъ: то, что здѣсь или теперь слѣдствіе, не можетъ быть здѣсь или теперь причиной, и то, что тамъ или тогда причина, не можетъ быть тамъ или тогда слѣдствіемъ. Это, повидимому, нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ главной мыслью Энгельса о причинѣ и слѣдствіи, и, стало быть, для каждаго даннаго времени и каждаго даннаго мѣста, причина и слѣдствіе абсолютно исключаютъ другъ друга. А вѣдь это—все, что формальная логика можетъ требовать отъ насъ. Очевидно, что на такую постановку дѣла діалектикъ согласиться не можетъ. Отрицая законъ исключеннаго третьяго, съ его формулой „либо-либо", онъ не можетъ признавать, чтобы каждое данное явленіе, въ каждое данное время было *либо* причиной, *либо* слѣдствіемъ. И нѣтъ сомнѣнія, что Энгельсъ и въ этомъ пунктѣ нисколько не расходится съ „діалектиками", не смотря на то, что его мысль не высказана съ надлежащей точностью. Вотъ почему не мѣшаетъ уяснить себѣ правоту формальной логики и въ этомъ пунктѣ.

„То, что теперь или здѣсь причина" никогда въ сущности не можетъ сдѣлаться слѣдствіемъ, если только подъ словомъ: „то" понимать *одно* опредѣленное явленіе, въ одинъ опредѣленный моментъ времени, въ одномъ опредѣленномъ отношеніи. Отецъ является въ извѣстномъ отношеніи причиной своего сына, не смотря на то, что онъ самъ не перестаетъ быть сыномъ своего отца. Будучи причиной своего сына, онъ въ томъ же самомъ отношеніи никогда не будетъ его слѣдствіемъ, хотя послѣдній, въ свою очередь, можетъ стать отцомъ. Каждый изъ нихъ, словесно выражаясь, есть въ одно и то же время и отецъ, и сынъ, но о совпаденіи у нихъ причины и слѣдствія можно только тогда говорить, когда мы совершенно упустимъ изъ виду, столь ненавистныя Гегелю, „Rücksichten", „стороны и отношенія". Само собою разумѣется, что Энгельсъ не можетъ быть настолько наивнымъ, чтобы заставить дѣда вновь родиться отъ своего внука. Но мы не имѣемъ никакихъ основаній быть увѣренными, въ томъ, что, при другихъ

явленіяхъ, взаимныя отношенія которыхъ не такъ ясны, онъ не нашелъ бы („при болѣе близкомъ изслѣдованіи“), что причина и слѣдствіе въ одномъ и томъ же отношеніи совпадаютъ. Вѣритъ же онъ во внутреннее родство положительнаго и отрицательнаго, убѣжденъ же онъ, что предметъ можетъ въ одно и то же время существовать и не существовать, говоритъ же онъ, что причина и слѣдствіе не находятся въ абсолютной противоположности другъ къ другу! А потому и ссылка на примѣръ внука и дѣда діалектику покажется мало убѣдительной. Посмотримъ, по этому, къ какимъ результатамъ мы должны придти, если въ самомъ дѣлѣ поближе изслѣдовать логическое отношеніе причины къ слѣдствію.

Для этого станемъ на точку зрѣнія, близкую къ взглядамъ самого діалектическаго матеріализма, и будемъ въ каждомъ предметѣ усматривать временный комплексъ извѣстныхъ силъ, т.-е. многихъ „родовъ движеніе“, которыя находятся въ немъ во временномъ относительномъ равновѣсіи, чтобъ потомъ быть выведенными изъ этого равновѣсія силою міроваго движенія.

При этомъ важно не забывать, что различные роды движенія, изъ которыхъ состоитъ „предметъ“, участвуютъ въ немъ не въ равномъ количествѣ, а въ извѣстномъ внутреннемъ соотношеніи, въ извѣстной внутренней пропорціи, которая для различныхъ предметовъ бываетъ различна. Надо полагать, что и діалектическій матеріалистъ ничего не будетъ имѣть противъ этой мысли, если онъ только не хочетъ идти въ разрѣзъ съ данными физической химіи, которая старается изслѣдовать, какіе различные роды движенія участвуютъ въ созданіи „предмета“, и въ какомъ внутреннемъ соотношеніи они въ немъ находятся. У одного предмета, напримѣръ, это соотношеніе таково, что достаточно малѣйшей перемѣны въ томъ родѣ движенія, который мы называемъ теплотой, чтобъ нарушить равновѣсіе самого предмета. Другому предмету, наоборотъ, можетъ быть сообщено значительное количество теплоты безъ того, чтобы его равновѣсіе видимо было нарушено. И то, что справедливо для теплоты, справедливо и для всякаго другого рода движенія. Напомнимъ хотя бы о томъ дѣйствіи, которое какой-нибудь маленькій острый предметъ можетъ совершить въ сосудѣ изъ такъ называемаго неустойчиваго стекла. Достаточно положить въ такой сосудъ маленькій острый камешекъ и легко встряхнуть его, чтобы нарушить молекулярное равновѣсіе сосуда, чтобы окончательно измѣнить въ немъ состояніе того рода движенія, который назы-

вается силой сцѣпленія. Сосудъ разлетается въ дребезги. Попробуемъ на этомъ примѣрѣ уяснить себѣ *логическое* отношеніе причины къ слѣдствію. Что было здѣсь причиной, что слѣдствіемъ? Въ описанномъ явленіи участвовали три „предмета“: рука, камешекъ и сосудъ. Всѣ они были въ извѣстномъ состояніи равновѣсія, всѣ они были охвачены движеніемъ одного и того же рода. И все-таки результатъ этого новаго движенія оказался различенъ для каждаго изъ нихъ. Въ то время, какъ рука и камешекъ не были выведены изъ ихъ *молекулярнаго* равновѣсія, т.-е. изъ того внутренняго соотношенія, въ которомъ находились въ нихъ извѣстныя „силы“,—сосудъ разлетѣлся на куски. Слѣдовательно, *слѣдствіемъ* этого движенія было измѣнившееся равновѣсіе одного предмета, т.-е. сосуда; ближайшей *причиной* этого результата было движеніе остраго камешка, сохранившаго свое равновѣсіе; болѣе отдаленная причина этого явленія лежала въ движеніи руки, причемъ весь полученный эффектъ былъ обусловленъ тѣми опредѣленными соотношеніями, въ которыхъ находились различнаго рода движенія, составлявшія руку, камешекъ и сосудъ. Само собою разумѣется, что все это явленіе составляетъ только одно изъ безчисленныхъ звеньевъ всей совокупности міровыхъ явленій; но если, съ цѣлью анализа, вырѣзать его изъ этой совокупности, обратить вниманіе лишь на его конечный результатъ и на ближайшую причину этого результата, то легко замѣтить, что причина и слѣдствіе здѣсь абсолютно исключаютъ другъ друга. Перемѣна въ состояніи одного предмета *было слѣдствіемъ*, а движеніе не измѣнявшагося „предмета“ играло *роль причины*. Понятно, что при столкновеніи двухъ „предметовъ“, измѣненія большею частью происходятъ не въ одномъ изъ нихъ, а въ обоихъ; въ обоихъ одна или даже нѣсколько „силъ“, изъ которыхъ они составлены, претерпѣваютъ то или другое измѣненіе. Изъ многочисленныхъ комбинацій, могущихъ произойти при этомъ, мы выбираемъ только два случая, къ которымъ на нашъ взглядъ, могутъ быть сведены всѣ остальные.

Первый случай имѣетъ мѣсто тогда, когда измѣненія происходятъ въ обоихъ предметахъ *одновременно*. Къ этому типу относятся почти всѣ явленія неорганической природы. Здѣсь комплексъ „силъ“ одного предмета является причиною измѣненія въ комплексѣ „силъ“ другого предмета, а комплексъ силъ другого предмета, въ свою очередь, является причиной измѣненій въ комплексѣ „силъ“ перваго. Самое простое явленіе этого рода, это—когда мы

тремъ камень о камень одинаковой твердости. Измѣненія во внѣшней формѣ одного камня есть слѣдствіе комплекса силъ, составляющаго другой камень, и наоборотъ. Стало быть, и здѣсь причина не переходитъ въ слѣдствіе и слѣдствіе не становится причиной.

Второй случай имѣетъ мѣсто тогда, когда при столкновеніи двухъ предметовъ, первый производитъ измѣненіе въ равновѣсіи другого, но сейчасъ же самъ попадаетъ подъ власть, вызваннаго имъ, измѣненія. Такова наиболѣе частная форма взаимодѣйствія, которая встрѣчается въ общественной жизни и человѣческой исторіи. Извѣстное состояніе производительныхъ силъ, напримѣръ, вызвало, если вѣрить Марксу, измѣненіе въ умственномъ состояніи человѣчества, которое привело къ болѣе усиленнымъ занятіямъ механикой. Эти усиленныя занятія, въ свою очередь, привели къ новымъ открытіямъ въ области механики и, такимъ образомъ, вліяли на дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ. Если оставаться при однихъ абстрактныхъ выраженіяхъ, то „экономика" (состояніе производительныхъ силъ) была заразъ и причиной, и слѣдствіемъ, точно такъ же, какъ и умственный факторъ игралъ роль и слѣдствія, и причины. Но при болѣе точномъ анализѣ этого процесса, мы находимъ, что причиною сначала былъ *опредѣленный* во времени фазисъ экономики, который имѣлъ своимъ слѣдствіемъ *опредѣленныя* же во времени измѣненія въ состояніи механики, какъ науки. И этотъ опредѣленный фазисъ научнаго развитія, въ свою очередь, сдѣлался причиной, но лишь по отношенію къ *новымъ* измѣненіямъ въ экономикѣ, явившимися его слѣдствіемъ. Слѣдовательно, *время*,— то самое „чистое" время, въ которое вѣритъ Энгельсъ и въ которое не вѣритъ Гегель,—время отдѣляетъ причину отъ слѣдствія точно также, какъ время и пространство разрѣшили антагонизмъ между положительнымъ и отрицательнымъ явленіемъ, и, стало быть, *на почвѣ марксистскаго матеріализма, признающаго „чистое время", нѣтъ абсолютно никакихъ основаній діалектически смѣшивать причину со слѣдствіемъ.*

Природа,—по крайней мѣрѣ, эмпирически доступная намъ природа,—воспринимается нами не по законамъ діалектики, а по законамъ *логики*: все равно, будемъ ли мы разсматривать эти логическіе законы мышленія, какъ апріорныя формы нашего ума, какъ единственныя очки, сквозь которыя мы смотримъ на міръ, или же будемъ считать ихъ „болѣе или менѣе абстрактными копіями" съ дѣйствительныхъ явленій.

V.

„Міръ, какъ матерія и... противорѣчіе".

„Покуда мы разсматриваемъ вещи въ ихъ безжизненномъ покоѣ, каждую въ отдѣльности, одну возлѣ другой, мы, конечно, не наталкиваемся въ нихъ на противорѣчія. Мы здѣсь находимъ извѣстныя свойства, которыя частью сходны, частью различны, даже противорѣчивы, но въ данномъ случаѣ они (эти свойства) *распредѣлены на различныя вещи и, стало-быть, не таятъ въ себѣ никакого противорѣчія.* По скольку можно ограничиться этой областью изученія, по стольку мы и можемъ обходиться помощью обыкновеннаго метафизическаго мышленія. Но совсѣмъ другое дѣло, когда мы разсматриваемъ вещи въ ихъ движеніи, ихъ измѣненіи, ихъ жизни, въ ихъ взаимномъ вліяніи другъ на друга. Тутъ мы сейчасъ впадаемъ въ противорѣчія. *Само движеніе есть противорѣчіе; даже простое механическое движеніе въ пространствѣ можетъ совершаться лишь такимъ образомъ, что какое-либо тѣло въ одинъ и тотъ же моментъ времени находится на одномъ мѣстѣ и въ то же время на другомъ мѣстѣ,— на одномъ и томъ же мѣстѣ и не на одномъ и томъ же.* Постоянное осуществленіе и равновременное рѣшеніе этого противорѣчія—вотъ это именно и есть движеніе". (AD, 120).

Такъ говоритъ Энгельсъ. Къ этому надобно еще прибавить, что, по ученію Маркса, каждому противорѣчію свойственна особая форма движенія, въ которой оно реализируется во внѣ. „Въ этомъ вообще заключается методъ разрѣшенія противорѣчій",—говоритъ Марксъ.— „Противорѣчиво, напримѣръ, чтобы тѣло постоянно падало на другое тѣло и такъ же постоянно улетало отъ него. Эллипсисъ и представляетъ собою одну изъ формъ движенія, въ которой это противорѣчіе въ равной мѣрѣ и осуществляется, и разрѣшается" *).

Взглядъ на движеніе, какъ на осуществленное противорѣчіе, какъ и большинство другихъ примѣровъ, приведенныхъ нами ниже, взяты Марксомъ и Энгельсомъ изъ Гегеля. Если что-либо движется,—говоритъ Гегель,—то это совершается не такъ, что оно въ этомъ „теперь" находится здѣсь, а въ другомъ „теперь"—тамъ,

*) K. Marx, Das Kapital, II, 83.

но такимъ образомъ, что оно въ одномъ и томъ же „теперь“ пребываетъ и здѣсь, и не здѣсь, а въ этомъ „здѣсь“ оно и находится и не находится“ (Logik, II, 69).

Такой взглядъ на движеніе въ высшей степени важенъ для діалектическаго матеріализма Маркса, основаннаго на его діалектической логикѣ. Если движеніе, какъ говоритъ Энгельсъ, есть „форма существованія матеріи“ и если противорѣчіе составляетъ скрытую пружину, такъ сказать „natura naturans“ движенія, то всѣ доводы противъ діалектической логики устраняются однимъ ударомъ. И это потому, что въ матеріалистической философіи Маркса все сводится къ движенію, а, слѣдовательно, и къ лежащему въ его основѣ противорѣчію. Противорѣчіе, будучи основою движенія, должно служить также и основою для каждаго явленія и каждаго предмета, и логика, которая провозглашаетъ немыслимость противорѣчія, сама по себѣ выдаетъ свидѣтельство о своемъ безсиліи понять явленія природы.

Къ счастью для формальной логики и для здраваго человѣческаго разсудка, этотъ кардинальный пунктъ ученія діалектическаго матеріализма такъ слабо обоснованъ Энгельсомъ и Марксомъ, до такой степени незрѣло обдуманъ и, главное, такъ мало приведенъ въ соотвѣтствіе съ другими основоположеніями діалектическаго же матеріализма, что достаточно нѣсколько глубже вдуматься въ предметъ, чтобъ замѣтить всю шаткость и безпочвенность вышеприведенныхъ утвержденій Энгельса и Маркса.

Въ самомъ дѣлѣ, міръ, какъ увѣряетъ Марксъ, состоитъ изъ матеріи и движенія, причемъ послѣднее есть осуществляющееся противорѣчіе. Уяснимъ себѣ прежде всего, *въ чемъ* именно заключается противорѣчіе движенія? Сравнивъ отвѣты Маркса и Энгельса, приведенные выше, не трудно замѣтить, что они нѣсколько расходятся между собою. Энгельсъ разсматриваетъ дѣло, подобно Гегелю, больше съ точки зрѣнія *онтологической*, съ точки зрѣнія основныхъ законовъ бытія. Тѣло, говоритъ онъ, находится въ одно и то же время въ томъ же мѣстѣ и не въ томъ же. Марксъ, наоборотъ, смотритъ на движеніе болѣе съ точки зрѣнія *динамической*. Движеніе, говоритъ онъ, есть противорѣчіе *между двумя противоположными стремленіями*. Но и тотъ, и другой отвѣтъ одинаково мало выдерживаютъ критику и, въ лучшемъ случаѣ, мало гармонируютъ съ тѣмъ основоположеніемъ всякаго матеріализма, котораго придерживались и Марксъ, и Энгельсъ и которое гласитъ: „изъ ничего ничего и не бываетъ“.

Разсмотримъ прежде *онтологическій* отвѣтъ Энгельса. Его толкованіе должно быть, конечно, понято въ томъ смыслѣ, что *все* тѣло находится въ одномъ мѣстѣ и въ то же время въ другомъ. Но если это такъ, если оно *всѣми своими частями* находится въ одномъ мѣстѣ, то его равновременное пребываніе въ другомъ мѣстѣ представляетъ собою несомнѣнное возникновеніе изъ ничего, ибо откуда же ему попасть въ это другое мѣсто? Изъ перваго? Но вѣдь тѣло еще не оставило своего прежняго мѣста, такъ какъ еще находится въ немъ. А когда тѣло оставляетъ свое первое мѣсто, оно не можетъ въ то же самое время и оставаться въ немъ просто потому, что это пребываніе въ старомъ мѣстѣ было бы, опять-таки, равносильно возникновенію изъ ничего. Нельзя отрицать, разумѣется, что нашъ доводъ противъ діалектики движенія былъ бы вполнѣ неумѣстенъ, если бъ мы вздумали направить его противъ Гегеля. Не забудемъ, что этотъ мыслитель самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ это основное положеніе всякаго матеріализма „ex nihilo nihil“ и считалъ его одной изъ опасныхъ пантеистическихъ ересей“ *). Онъ понималъ свое Werden въ буквальномъ смыслѣ слова: какъ *возникновеніе изъ ничего*. Онъ отрицалъ, напримѣръ, чтобъ облака образовывались изъ испареній воды, и утверждалъ, что вода окончательно исчезаетъ при своемъ испареніи и зарождается вновь въ облакахъ и въ дождѣ „абсолютно изъ ничего“ **). Разъ Гегель вѣрилъ въ возникновеніе изъ ничего, ему простительно было думать, что тѣло въ одно и то же „теперь“ „пребываетъ здѣсь и не здѣсь“. Но это не простительно Марксу. Какъ всякій матеріалистъ, онъ долженъ признавать и дѣйствительно признаетъ, что возникновеніе изъ ничего немыслимо. „Само собою разумѣется,— говоритъ онъ въ одномъ изъ примѣчаній къ „Капиталу“,—что, согласно съ Лукреціемъ, nil posse creari de nihilo. Изъ ничего ничего не бываетъ“ ***). Но если это такъ, то онъ долженъ былъ отказаться отъ тѣхъ взглядовъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ этимъ, вѣрнымъ для него, положеніемъ. А изъ этого вытекаетъ, что еслибы Марксъ послѣдовательно держался своихъ собственныхъ матеріалистическихъ основъ, онъ бы ни въ какомъ случаѣ не могъ

*) Hegels Encyclopädie (ed Rozenkranz) 112—113.

**) Frantz und Hillert, § 86—88.

***) Das Kapital I⁴, 117. Note 27. Cp. Bd. II (1893), 307 и Bd. III¹: 13. „Von Nichts, говоритъ Энгельсъ, können wir nun ein mal ohne Schöpfungsakt nicht zu Etwas kommen“. AD, 45.

перенести въ свою систему и гегелевскій взглядъ на движеніе. Онъ бы, наоборотъ, вмѣстѣ съ Фейербахомъ, противопоставилъ гегелевскимъ софизмамъ то болѣе здравое понятіе человѣческаго разсудка, по которому „пребываніе въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ составляетъ положительный актъ. Я не тамъ, говоритъ Фейербахъ, потому что я здѣсь. Это непребываніе тамъ есть, такимъ образомъ, слѣдствіе положительнаго яснаго пребыванія здѣсь“ *). А если Марксу во чтобы то ни стало необходимо было „спасти“ гегелевское ученіе о движеніи, то онъ долженъ былъ бы спасти также и необходимую для него почву,—отрицаніе ex nihilo nihil, т.-е. отказаться отъ матеріализма. Но тогда ему незачѣмъ было бы и особый философскій огородъ городить!

Впрочемъ, вышеприведенное мѣсто изъ Энгельса можетъ быть истолковано еще въ томъ смыслѣ, что тѣло *не* всѣми своими частями пребываетъ въ какомъ-либо мѣстѣ и въ то же время оставляетъ его. Противорѣчіе движенія заключалось бы, по этому толкованію, въ томъ, что въ то время, какъ *одна* часть тѣла находится въ одномъ мѣстѣ, другая его часть находится уже въ другомъ. Но даже допустивъ, что такое состояніе тѣла, при которомъ его части занимаютъ различныя мѣста въ пространствѣ, можетъ быть названо противорѣчіемъ, невольно является вопросъ, почему же Энгельсъ открылъ это „противорѣчіе“ только въ движущихся тѣлахъ, а не въ тѣлахъ, находящихся въ покоѣ? Вѣдь и у этихъ послѣднихъ ихъ различныя части занимаютъ различныя мѣста въ пространствѣ, стало быть, пребываютъ въ одномъ мѣстѣ (въ мѣстѣ одной какой-либо части) и въ то же время въ какихъ-нибудь другихъ мѣстахъ (въ мѣстахъ другихъ частей). И если марксисты пойдутъ такъ далеко, что они и въ состояніи покоя найдутъ внутреннее противорѣчіе, то мы желали бы знать, *какая форма движенія соотвѣтствуетъ этому противорѣчію* и въ какой формѣ движенія покой—„въ равной мѣрѣ и осуществляется, и разрѣшается“.

Не болѣе основательно и то толкованіе діалектики движенія, которое мы находимъ въ вышеприведенныхъ словахъ Маркса. Движеніе, говоритъ онъ, есть результатъ двухъ противоположныхъ стремленій, какъ, напр., центробѣжной и центростремительной силы, и, стало быть, является результатомъ противорѣчія. Но, не говоря

*) Feuerbach, Werke, II, 333.

уже о томъ, что антагонизмъ реальныхъ силъ далеко не можетъ быть разсматриваемъ, какъ *логическое* противорѣчіе, не слѣдуетъ еще забывать, что, вѣдь, и центробѣжная, и центростремительная „сила“,—если ихъ не разсматривать антропоморфически, какъ какія-то волевыя стремленія,—сами по себѣ суть не что иное, какъ извѣстнаго рода движенія. Какъ движеніе, онѣ должны, по взгляду Маркса, уже въ самихъ себѣ заключать противорѣчіе. Въ чемъ же опять-таки кроется это противорѣчіе? На этотъ вопросъ Марксъ принужденъ былъ бы отослать насъ къ Энгельсу, вѣрнѣе, къ Гегелю, отвѣтъ котораго мы только что разобрали.

Къ слову сказать, марксистскій взглядъ на движеніе вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ филистерскимъ взглядомъ на міръ, по которому тѣла движутся только вслѣдствіе силъ, которыя толкаютъ ихъ въ разныя стороны. Безъ борьбы нѣтъ движенія,—вотъ основа этого взгляда, впервые высказаннаго Гераклитомъ. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Не движеніе является результатомъ борьбы, но борьба является результатомъ противоположныхъ движеній. И тамъ, гдѣ сопротивленіе наиболѣе сильно, тамъ движеніе совсѣмъ прекращается, т.-е. переходитъ въ другую форму, которая не встрѣчаетъ себѣ сопротивленія. Потому-то основной законъ механики и гласитъ, что всякое движеніе идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Эллиптическая форма движенія, какъ и всякая другая его форма, служитъ, поэтому, признакомъ, что центростремительная и центробѣжная сила дѣйствуютъ на данное тѣло не по прямо противоположнымъ направленіямъ, но допускаютъ еще для него возможность двигаться по линіи наименьшаго сопротивленія, представляемой эллипсисомъ. Въ противномъ случаѣ тѣло было бы приведено къ покою.

Движеніе, стало быть, не только не является плодомъ логическаго противорѣчія, но даже не есть результатъ антагонизма реальныхъ силъ. А потому и всѣ выводы изъ противорѣчиваго характера движенія, которые можно бы было дѣлать въ пользу діалектической логики, падаютъ сами собою.

Второе міровое противорѣчіе заключается, по мнѣнію Энгельса, въ безконечности. „Безконечность,—говоритъ онъ,—составляетъ противорѣчіе и полна противорѣчій. Противорѣчіе заключается уже въ томъ, что безконечность должна быть составлена исключительно изъ конечныхъ величинъ, какъ это и есть въ дѣйствительности. Ограниченность матеріальнаго міра ведетъ не къ меньшому про-

тиворѣчію, чѣмъ его неограниченность и всякая попытка устранить эти противорѣчія ведетъ къ новымъ, еще большимъ. *Именно потому, что безконечность есть противорѣчіе, она и составляетъ безконечный во времени и въ пространствѣ процессъ. Уничтоженіе противорѣчія было бы концомъ безконечности*" (AD, 53).

Что касается безконечности, то приходится сознаться, что мы, въ самомъ дѣлѣ, не знаемъ, какъ обстоитъ съ ней дѣло въ дѣйствительности. Наука, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ неправа, когда ограничивается лишь конечными явленіями, оставляя небо безконечности den Philosophen und den Spatzen. Знаемъ только, что гипотеза безконечности, по необходимости возникающая въ нашемъ умѣ, противорѣчитъ другой, столь же неизбѣжной гипотезѣ, по которой гдѣ-нибудь да долженъ быть конецъ. Но, во всякомъ случаѣ, понятіе о безконечности само по себѣ не заключаетъ въ себѣ *никакого* противорѣчія, не смотря на то, что безконечное „состоитъ изъ конечныхъ величинъ". Вѣдь и простое понятіе о цѣломъ, состоящемъ изъ отдѣльныхъ частей, не заключаетъ въ себѣ никакихъ внутреннихъ противорѣчій. Кромѣ того,—думается намъ,—позволительно сомнѣваться, чтобы всякое безконечное непремѣнно реализировалось въ какомъ-либо процессѣ. Напомнимъ о безконечномъ „чистомъ" пространствѣ, которое признается и Марксомъ *).

Разъ пространство безконечно, то оно должно, по Энгельсу, состоять изъ конечныхъ величинъ, что само по себѣ не вѣрно. Затѣмъ оно нисколько не составляетъ процесса, даромъ что оно безконечно, и даромъ что оно представляетъ собою дѣйствительное противорѣчіе, будучи „реально существующей абсолютной пустотою". Изъ этого слѣдуетъ, что безконечность не обязательно должна заключать въ себѣ противорѣчіе и не обязательно должна быть процессомъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ противорѣчіямъ, которыя удалось открыть Энгельсу „въ познаніи и сущности міра".

Начнемъ съ „познанія", съ математики. Изъ діалектическихъ элементовъ математики, будто бы доказывающихъ законность про-

*) Что Энгельсъ вѣрилъ въ безконечность времени и пространства видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Ewigkeit in der Zeit, Unendlichkeit im Raum besteht schon von vornherein und dem einfachen Wortsinne nach darin, nach „Keiner" Seite hin ein Ende zu haben, weder nach vorn oder nach hinten, nach oben oder nach unten, nach rechts oder nach links". AD, 38.

тиворѣчія, Энгельсъ приводитъ почти всѣ тѣ же факты, на которые уже обратилъ вниманіе Гегель: противорѣчіе въ дифференціальномъ исчисленіи, приравненіе прямой линіи къ кривой при извѣстныхъ условіяхъ, приравненіе $A^{\frac{1}{2}}$ квадратнаго корня изъ A и, наконецъ, употребленіе квадратныхъ корней изъ минуса единицы, которое „представляетъ собою,—какъ говоритъ Энгельсъ,—не только противорѣчіе, но даже абсурдное противорѣчіе, дѣйствительную безсмыслицу". „Тѣмъ не менѣе,—прибавляетъ онъ,—квадратный корень изъ минуса единицы является во многихъ случаяхъ необходимымъ результатомъ вѣрныхъ математическихъ вычисленій; болѣе того, куда бы дѣлась вся математика, высшая и низшая, если бы ей запретили оперировать квадратными корнями изъ минуса единицы" (AD, 122).

Относительно всѣхъ этихъ „фактовъ" необходимо прежде всего замѣтить, что, если бы даже ихъ противорѣчивый характеръ былъ доказанъ до неопровержимости, то и тогда отъ противорѣчій въ продуктахъ человѣческаго мышленія нельзя еще умозаключать къ существованію противорѣчій въ самой природѣ. Энгельсъ прекрасно говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что въ „желаніи доказать реальность какого-либо результата мысли, выходя изъ тождества мышленія и бытія, именно и заключалась одна изъ наиболѣе дикихъ, лихорадочныхъ фантазій Гегеля" (AD, 30),—фантазій, съ которыми боролся самъ Марксъ и отъ которыхъ онъ, къ сожалѣнію, не сумѣлъ окончательно освободиться. А затѣмъ—и это главное—не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что противорѣчія, открытыя Энгельсомъ въ математическихъ формулахъ и символахъ, суть только мнимыя, *кажущіяся* противорѣчія,—противорѣчія по внѣшней формѣ, но не по существу. Всѣ они могутъ быть очень просто объяснены съ точки зрѣнія формальной логики, если только не разсматривать ихъ, какъ „болѣе или менѣе абстрактныя копіи съ самихъ вещей", но какъ „свободное творчество и продукты воображенія разсудка", какъ въ другомъ мѣстѣ справедливо названы Энгельсомъ *другія* математическія выраженія, идущія въ разрѣзъ съ его діалектической логикой (AD, 25). Объясненіе этихъ „противорѣчивыхъ формулъ и символовъ" не представляетъ никакихъ трудностей для здраваго разсудка потому, что, съ одной стороны, они употребляются въ математическихъ вычисленіяхъ на томъ же самомъ логическомъ основаніи, на какомъ мы *гипотетически* допускаемъ явно невозможное въ интересахъ лучшаго выясненія истины. Съ другой стороны,

всѣ эти „противорѣчія“ легко могутъ быть сведены къ конкретнымъ явленіямъ, которыя, какъ всякія конкретныя явленія, лишены какого бы то ни было внутренняго противорѣчія. Это обстоятельство извѣстно всякому, кто знакомъ съ современной логикой, и въ немъ можно убѣдиться, прочитавъ хотя бы въ „Логикѣ“ Вундта тотъ отдѣлъ, который трактуетъ о логикѣ математическихъ наукъ. Тамъ читатель найдетъ не только объясненіе безсмысленной формулы $\sqrt{-1}$, но и еще болѣе безсмысленной формулы $(-\sqrt{-1})$ *).

Основной результатъ, къ которому пришла современная логика относительно отрицательныхъ и мнимыхъ величинъ, вполнѣ вѣрно формулируется Вундтомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Логическое значеніе отрицательныхъ и мнимыхъ величинъ заключается въ томъ, что онѣ, кромѣ чисто метрическихъ отношеній величинъ, опредѣляютъ также и ихъ различныя направленія (Richtungsverhältnisse), причемъ опять-таки понятія направленія и протяженія должны быть взяты въ болѣе общемъ логическомъ смыслѣ, при которомъ пространственныя отношенія являются только спеціальнымъ случаемъ“ **).“

Бѣда діалектической логики въ томъ именно и заключается, что она не особенно жалуетъ тѣхъ, кто принимаетъ во вниманіе и различныя *направленія* различныхъ величинъ. Такъ, напримѣръ, въ своихъ возраженіяхъ Дюрингу—Энгельсъ говоритъ, что, „тотъ, кому удалось справиться съ гегелевскимъ ученіемъ о „сущности“ до того мѣста, гдѣ онъ говоритъ о тривіальности (Plattheit) такихъ понятій, какъ движеніе силъ по противоположнымъ направленіямъ, но не по внутреннему противорѣчію, лучше бы сдѣлалъ, еслибъ совсѣмъ не прибѣгалъ къ употребленію такихъ общихъ мѣстъ“ (AD, 122).

Но, во-первыхъ, мы уже видѣли, какими логическими софизмами оспариваетъ Гегель „подобную тривіальность“, а во-вторыхъ, бываютъ таки, къ сожалѣнію, моменты въ исторіи человѣческаго

*) Wundt. Logik, Bd, II 1894, S. 87—249.

**) Тамъ же, стр. 145. Чтобы болѣе пояснить этотъ результатъ, приведемъ одинъ лишь примѣръ. Пусть C —1 | D $\sqrt{-1}$ A +1 B линіи AB, AC, AD, абсолютно равныя другъ другу, различаются только по направленію отъ точки A. Если AB = +1, то AC—1, а алгебраическій знакъ для AD мы находимъ изъ слѣдующей пропорціи: + 1: AD=AD:—1. Отсюда $AD^2 = -1_2$ или $AD = \sqrt{-1}$.

знанія, когда ссылки на всѣмъ извѣстныя „общія мѣста“ не безполезны для науки. Развѣ это не самый настоящій труизмъ, когда Марксъ ссылается на то, что „средніе вѣка не могли жить изъ капитализма, а древній міръ изъ политики“ *), или когда Энгельсъ говоритъ, что „люди должны ѣсть, пить, спать, имѣть жилище и одежду, стало быть, работать, прежде чѣмъ они могутъ бороться за господство и заниматься политикой, религіей, философіей и т. д.“ **)

А между тѣмъ Энгельсъ увѣренъ, что въ указаніи на этотъ „осязательный фактъ“ и кроется одна изъ безсмертнѣйшихъ заслугъ Маркса ***). И онъ вполнѣ правъ, потому что Марксъ въ самомъ дѣлѣ оказалъ неоцѣнимую заслугу общественной наукѣ тѣмъ, что подчеркнулъ могучее вліяніе экономическаго фактора въ исторіи народовъ. Тѣмъ не менѣе, „осязательный фактъ“ Энгельса представляетъ собою такой же труизмъ, какъ и ученіе о направленіяхъ, которымъ оперируетъ математика. Разница, очевидно, лишь въ томъ, что, когда уже признаютъ какую-либо общественную истину, то ее называютъ „осязательнымъ фактомъ“, въ противномъ случаѣ ее награждаютъ кличкой—“общаго, избитаго мѣста“. Но подобныя недовольныя и сердитыя клички абсолютно ничего не доказываютъ и прежде, чѣмъ употреблять ихъ, не мѣшаетъ вспомнить слѣдующія слова Энгельса же, сказанныя имъ по адресу Дюринга. „Подобнаго рода недовольства и выраженіе досады примѣнимы ко всѣму, и, стало быть, они повсюду неумѣстны“ (AD, 47). Абсолютно же они неумѣстны въ разбираемомъ нами случаѣ, гдѣ мы, помощью „осязательнаго факта“ различія направленій, въ состояніи объяснить себѣ почти всѣ математическіе символы и знаки. А изъ этого вытекаетъ, что антилогическая форма нѣкоторыхъ математическихъ символовъ нисколько не въ состояніи лишить насъ самаго законнаго логическаго права—отрицать самымъ рѣшительнымъ образомъ существованіе внутреннихъ логическихъ противорѣчій въ природѣ. Внѣшняя форма это только знакъ, символъ, „идейная потребность математика“, а „идейная потребность математика далека отъ того, чтобы быть принудительнымъ закономъ для реальнаго міра“ (AD, 40). Эти прекрасныя слова принадлежатъ опять-таки ни кому иному, какъ самому Энгельсу, который превосходно понимаетъ

*) Kapital, I^2,60.

**) Fr. Engels „Karl Marks“ (Die Waage. Iahrg. V. № 35. S. 550).

***) Тамъ же.

условность математическихъ символовъ тамъ, гдѣ они идутъ въ разрѣзъ съ его борьбою противъ формальной логики...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что объясненіе математическихъ противорѣчій не представляетъ для логики никакого затрудненія. Посмотримъ, насколько реальныя явленія природы могутъ заставить насъ помириться съ основоположеніями діалектической логики.

Изъ всей области естественныхъ явленій Энгельсъ указываетъ, главнымъ образомъ, на явленія *жизни*, какъ на предѣлъ, „по ту сторону котораго метафизическое мышленіе дѣлается одностороннимъ, ограниченнымъ, абстрактнымъ и запутывается въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ“. „Въ повседневныхъ случаяхъ,—говоритъ онъ,—мы знаемъ, напримѣръ, и можемъ съ опредѣленностью сказать, существуетъ ли животное или нѣтъ. При болѣе точномъ изслѣдованіи мы, однако, находимъ, что это подчасъ является очень затруднительнымъ дѣломъ, какъ это прекрасно знаютъ юристы, которые напрасно старались установить раціональную границу, начиная съ которой умерщвленіе ребенка во чревѣ матери считается убійствомъ. Въ той же степени невозможно установить моментъ смерти, такъ какъ физіологія доказываетъ, что смерть представляетъ собою не единовременное, мгновенное событіе, но довольно долго длящійся процессъ“ (AD, 7). Такимъ образомъ, діалектическій методъ мышленія необходимъ, по мнѣнію Энгельса, для *точнаго познанія малѣйшихъ переходныхъ ступеней*, и именно для нихъ-то мы и должны отказаться отъ тѣхъ законовъ мышленія, которыми мы пользуемся въ повседневной жизни.

Но всегда ли Энгельсъ остается вѣренъ этимъ своимъ взглядамъ? „Господинъ Дюрингъ, очевидно, считаетъ своихъ читателей грудными младенцами. Доказательство единичныхъ переходовъ и связей малѣйшихъ звеньевъ въ цѣпи бытія именно и составляетъ содержаніе естественныхъ наукъ и если гдѣ-нибудь дѣло не подвигается впередъ, то никто не думаетъ объяснить появившееся движеніе изъ ничего, но объясняетъ его перенесеніемъ, превращеніемъ или распространеніемъ предшествующаго движенія“ (AD, 41). Такъ говоритъ Энгельсъ, и мы думаемъ, что онъ этими словами самъ подписываетъ приговоръ противъ необходимости діалектической логики. Или, можетъ быть, діалектическій методъ мышленія какъ разъ и необходимъ для того, чтобы объяснить „перенесеніе, превращеніе или распространеніе какого-либо рода движенія“? Спора нѣтъ, объясненіе движенія, какъ и объясненіе его транс-

формаціи, требуетъ пріемовъ мышленія болѣе глубокихъ, чѣмъ тѣ, которые находятся въ распоряженіи „здраваго человѣческаго разсудка“. Но вѣдь и діалектическая логика, съ ея объясненіемъ движенія изъ противорѣчія, и матеріализмъ, съ его простымъ указаніемъ на движеніе, какъ на „форму бытія матеріи“, не подвигаютъ насъ ни на шагъ впередъ. Кромѣ того, кому-кому, но не Энгельсу приводить „необъяснимость“ жизни въ связь съ необъяснимостью движенія. Ибо діалектическій матеріализмъ такъ упростилъ для себя научную проблему жизни, что, выходя изъ его основоположеній, принципіально не можетъ быть никакихъ трудностей для точнаго установленія того момента, когда возникаетъ жизнь. „Жизнь, говоритъ Энгельсъ, есть ни что иное, какъ форма бытія бѣлковыхъ тѣлъ“ (AD, 74).

Ясно, стало быть, что тамъ, гдѣ мы имѣемъ бѣлковыя тѣла, гдѣ сіи послѣднія образуются изъ неорганическихъ соединеній, тамъ мы имѣемъ и жизнь. А при такомъ упрощенномъ способѣ рѣшенія проклятыхъ вопросовъ, діалектическая логика еще болѣе излишня, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Моментъ жизни данъ въ моментѣ образованія бѣлковины. Коротко и ясно. Такимъ образомъ, объясненіе жизни столь же доступно „метафизику“, какъ и объясненіе любого другого физическаго или химическаго факта, и діалектическая логика тутъ абсолютно не при чемъ. Равнымъ образомъ излишня она и при объясненіи смерти. „Съ того момента, какъ прекращается безпрерывное превращеніе составныхъ частей въ бѣлковыя тѣла, говоритъ Энгельсъ,—съ этого момента перестаетъ существовать и само бѣлковое тѣло. *Оно разлагается, т.-е. оно умираетъ*“. (AD, 75). Наука, стало быть, къ своему собственному изумленію, обладаетъ самыми точными средствами, чтобы установить моментъ жизни и смерти. И если гдѣ-нибудь дѣло замедляется, то матеріалистъ Энгельсъ долженъ меньше всѣхъ прибѣгнуть къ объясненію „возникшей или исчезнувшей формы бытія“ изъ небытія, или же, что одно и то же, изъ смѣси *бытія и небытія*, т.-е. изъ противорѣчія.

„Каждое органическое существо,—говоритъ Энгельсъ въ другомъ мѣстѣ въ защиту діалектической логики,—есть въ каждое мгновеніе то и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не то, что оно есть. Въ каждое мгновеніе оно перерабатываетъ вещества, приводимыя извнѣ, и выдѣляетъ другія, въ каждое мгновеніе умираютъ клѣточки его тѣла и образуются новыя. Въ болѣе или менѣе долгій или короткій

періодъ времени вещество вполнѣ обновлено, замѣнено другими атомами матеріи, такъ что каждое организованное вещество есть то, что оно есть, и въ то же время нѣчто совсѣмъ другое" (AD; 7 Cp. S. 75).

Ошибка этого діалектическаго умозаключенія заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что словами „оно" и „это" ведется двусмысленная игра. Подъ словомъ „это" мы, во-первыхъ, понимаемъ *данное*, мгновенное, опредѣленное во времени, явленіе, которое, строго говоря, съ каждымъ мгновеніемъ дѣйствительно дѣлается другимъ. Во-вторыхъ, мы понимаемъ подъ словомъ „это" *совокупность* извѣстныхъ свойствъ, которыя, при постоянномъ теченіи какого-либо рода явленій, остаются тѣми же или почти тѣми же. Такъ, напримѣръ, пламя въ каждое новое мгновеніе дѣйствительно состоитъ изъ другихъ вещественныхъ частицъ, чѣмъ въ предыдущее, но такъ какъ эти частицы вещества обладаютъ тѣми же свойствами, что и предыдущія, то пламя остается тѣмъ же пламенемъ. Но, строго говоря, оно остается тѣмъ же пламенемъ и тогда, когда его тушатъ и зажигаютъ вновь. Оно поэтому, остается тѣмъ, что оно есть, лишь по стольку, *по скольку* его настоящія частицы одарены тѣми же свойствами, что и предыдущія. Оно сдѣлалось другимъ лишь постольку, поскольку его частицы сами по себѣ другія. То же самое и съ животнымъ организмомъ. По скольку онъ состоитъ изъ *вполнѣ новыхъ* атомовъ матеріи, по стольку онъ сталъ другимъ, а *по скольку* эти атомы имѣютъ тѣ же свойства, что и предыдущія, по стольку онъ остается тѣмъ, что былъ. Въ дѣйствительности, однако, вообще нѣтъ двухъ состояній въ жизни организма, которыя были бъ равны другъ другу. Равенство съ самимъ собою человѣческаго, какъ и животнаго, организма, есть строго говоря, фикція. Далеко идущее сходство—вотъ что принимаемъ мы за равенство. Діалектическая логика въ данномъ случаѣ является *компромиссомъ* между наивнымъ повседневнымъ взглядомъ на міръ,—взглядомъ, который разсматриваетъ живой организмъ, какъ нѣчто неизмѣнное и равное самому себѣ, и научнымъ взглядомъ, который самымъ рѣшительнымъ образомъ напираетъ на постоянное измѣненіе организма. Но такой компромиссъ возможенъ и на почвѣ формальной логики: стоитъ только не упускать изъ виду тѣхъ „по стольку, по скольку, съ одной стороны и съ другой стороны", о которыхъ Гегель такъ презрительно отзывается и изгнаніе которыхъ изъ науки положило бы конецъ научному мышленію.

Резюмируя все сказанное нами, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Во-первыхъ. Діалектическая логика съ ея отрицаніемъ закона противорѣчія должна быть разсматриваема, какъ продуктъ извѣстныхъ философскихъ предпосылокъ, которыя, однако, утратили теперь свое философское значеніе, благодаря дальнѣйшему развитію человѣческой мысли.

Во-вторыхъ. Сочетаніе діалектической логики съ матеріализмомъ отнимаетъ у нея всякую тѣнь теоретическаго обоснованія. Марксистская критика формальной логики понятна и простительна лишь на почвѣ гегелевской философіи. На почвѣ же матеріализма она вступаетъ въ коллизію съ принципами, признанными самими Марксомъ и Энгельсомъ за вѣрные.

Въ-третьихъ. Для научнаго объясненія міровыхъ явленій діалектическая логика излишня. Въ обширной области практики она не примѣнима и должна, по собственному почину, уступить мѣсто формальной логикѣ, приводя этимъ самымъ къ теоретико-познавательному дуализму, который ничѣмъ не можетъ быть оправданъ.

Словомъ, *философски* она не обоснована, для *науки* излишня, на практикѣ болѣе вредна, чѣмъ безполезна, а, стало быть, во *всѣхъ* областяхъ не выдерживаетъ критики.

Книгоиздательство „Новое Товарищество".

Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 12. Телефонъ № 120-20.

Ф. А. Бейерлейнъ. Вечерняя зоря. 35 к.
Протоколы 2-го съѣзда Всероссійскаго Крестьянскаго Союза. 30 к.
С. Закъ. Земля и капитализмъ. 25 к.
С. Закъ. Демократизація земства. 25 к.
Борецкій. Борьба Венгріи за независимость. 22 к.
Б. Бансъ и Г. Квелчъ. Соціалистическій катехизисъ. } 20 к.
Г. Лазаревъ. Аграрный катехизисъ. } 20 к.
Л. Шишко. Очерки по вопросамъ экономики и исторіи. 60 к.
В. Черновъ. Монист. точка зрѣнія. 12 к.
В. Черновъ. Крест. и рабоч. 15 к.
В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. 25 к.
В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. 20 к.
Оларъ. Отъ монарх. къ респ. 10 к.
С. Закъ. Соціал. и агр. вопросъ. 35к.
По Ленотру. Путеш. на эшаф. 25 к.
С. Ан-скій. Крест. вопр. во Фр. 7 к.
А. Рудинъ. Что говорятъ русскіе соціаль-демократы «Деревенской бѣднотѣ». 10 к.
Гатти. Соціализмъ и аграрный вопросъ. 50 к.
С. Закъ. Крестьянство и соціализація земли.
В. В. Соціальное преобразованіе Россіи. 18 к.
Гильдебрандъ. Фома Мюнцеръ. 20 к.

Популярная библіотека

1. **Гардинсъ.** Почему я соціал.? 4 к.
2. **Лазаревъ.** Какъ крестьянамъ дали волю. 4 к.
3. **Ренаръ.** Во франц. деревнѣ. 3 к.
4. **Ристъ.** Профессіональные союзы въ Англіи. 1 к.
5. **В. П.** Разстрига. 3 к.
6. **В. Порфирьевъ.** «Жить стыд.». 2к.
7. **Огановскій.** Освобож. земли. 6 к.
8. **Абрамова.** Крест. и раб. 2 к.
9. **Н. Сибирякъ.** Что даетъ «соціализація» земли труд. народу? 7 к.
10. **Смолова.** Народъ и король. 2 к.
11. **Сибирякъ.** Гдѣ лучше?
12. **Новоторжскій.** Значеніе права на землю для раб. народ. 4 к.
13. **Чернова.** Какъ венгерцы борются за свои права. 4 к.
14. **Матье.** Соц. вопр. во время франц. рев. 5 к.
15. **Николаевъ.** Невид. под. 4 к.
16. **Будэ.** Товар. раб. артель. 5 к.
17. **Вихляевъ.** Какъ уравнять пользованіе землей. 6 к.
18. **Звягинцевъ.** Земельн. переустр. въ городахъ. 4 к.
19. **Огановскій.** Крест. община и соціализмъ. 8 к.
20. **Новоторжскій.** Націон. вопр., автоном. и федерація. 6 к.
21. **Новоторжскій.** Земельн. вопросъ въ Россіи.

Печатаются:

С. Закъ. Насажд. капит. и судьба русской промышленности.
Л. Бертранъ. Исторія демократіи и соціализма въ Бельгіи.
Борецкій. Революція въ 1848 г. въ Венгріи.
В. Черновъ. Субъективн. методъ.
Соціализація земли. Сборн. статей. 1-й вып. 60 к.
Л. Закъ. Минимумъ заработ. платы.
Житловскій. Соціал. и борьба за полит. свободу. 18 к.
Житловскій. Матеріализмъ и діалект. логика. 20 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Отдѣленія склада: **С.-Петербургъ**, Книжный складъ «Школьное дѣло». **Симферополь**, Кн. маг. В. Волковой. **Екатеринославъ**, Кн. маг. «Образованіе». **Тифлисъ**, Кн. скл. бывшій О. Кайдановой. **Одесса**, Представитель «Союза издателей» Я. Р. Вугманъ, Елисаветинская, 4. **Нижній-Новгородъ**, Кн. маг. «Новь». **Курскъ**, Кн. маг. «Народная Польза». **Смоленскъ**, Кн. маг. «Молодая Россія». **Баку**, Кн. маг. «Сотрудникъ». **Уфа**, Кн. маг. А. Прокофьева. **Астрахань**, Кн. маг. «Сотрудникъ». **Кіевъ**, Кн. скл. Е. Ирецкой, Крещатикъ. **Владиміръ**, Кн. маг. «Трудъ и Знаніе». **Кострома**, Кн. маг. „Свѣтъ". **Царицынъ Н/В**, Кн. маг. «Мысль». **Архангельскъ**, Кн. маг. И. К. Максимова.

Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Москва.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
1010653716

